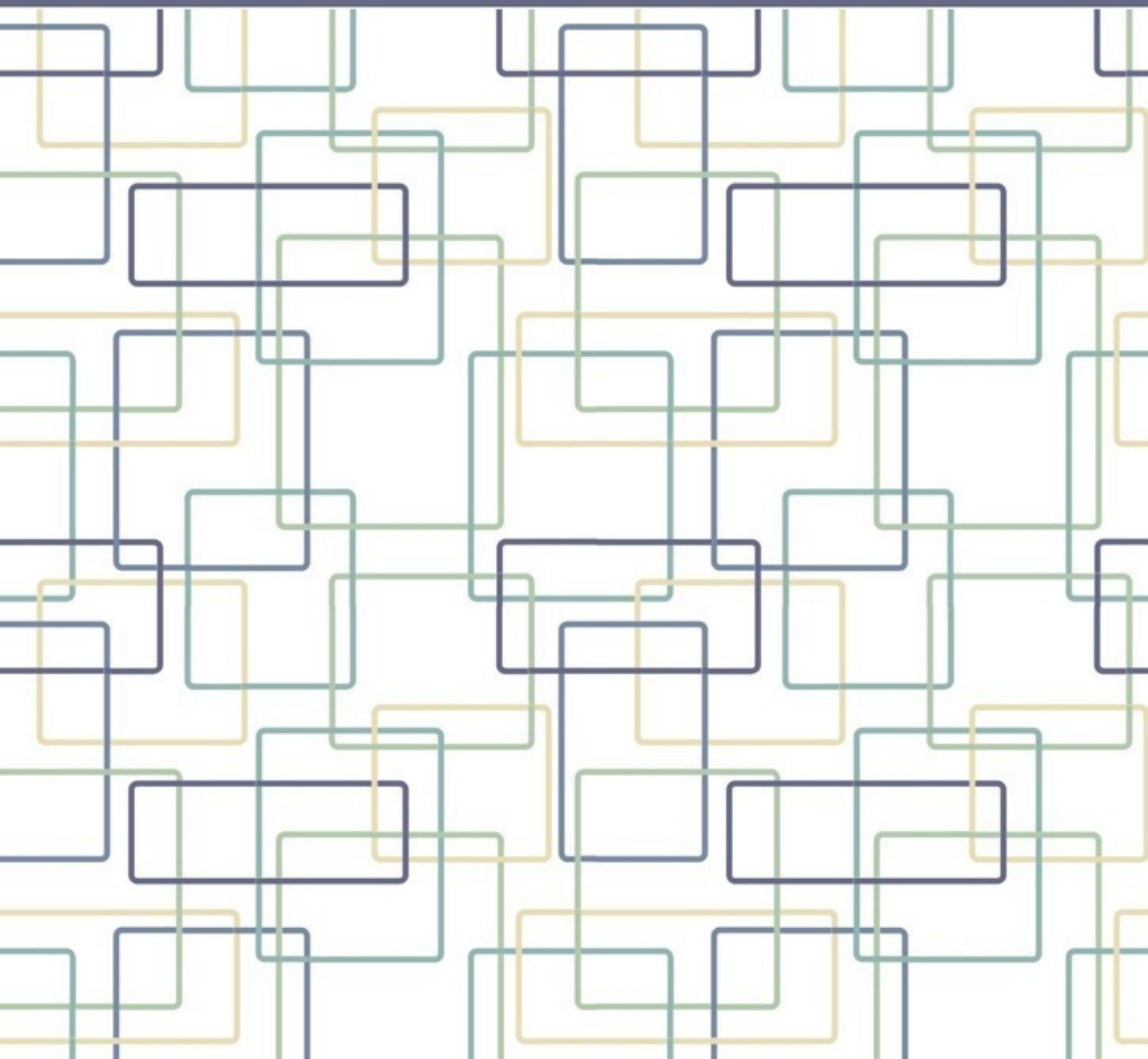

Роман Добромиль

Проза

Роман Добромиль

Проза

«Издательские решения»

Добромиль Р.

Проза / Р. Добромиль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904041-1

Терновник алчности безмерной — предел людского бытия, где души светлые горят любви и правды неизменно... И если встретишь ненароком тех оборванцев на пути — без промедления беги, и будет благодатной дорога.

ISBN 978-5-44-904041-1

© Добромиль Р.
© Издательские решения

Содержание

Ночной гость	6
Купюра достоинством в жизнь	18
Юрист	33
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Проза

Роман Добромиль

© Роман Добромиль, 2018

ISBN 978-5-4490-4041-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я ответил ему мученическим взглядом.

– Еле успокоил народ. Хотели тебя повесить. А я, дай, думаю, спрошу у человека, ради чего он так голову свою подставлял. А?

Я молчал.

Ночной гость

Ночь. Тесно, нескончаемым караваном плывут облака, скрывая луну. Лишь изредка покажется она ненадолго и снова исчезает за густой сизой дымкой.

Спокойнее и ровнее дышит город, переводя дух после дневной толчеи. Ярко горят фонари, освещая центральные улицы. Но чем ближе к окраине, тем меньше света и чернее ночь. И тянутся здесь друг за другом, как бы обозначая городские границы, поселки. Из почерневших кирпичных труб поднимается дым, и иногда залает собака, испугавшись темноты или почуяв чужака.

В одном из таких поселков, среди разнокалиберных деревянных и каменных домиков, будто укрывшись от назойливого глаза, расположилось государственное учреждение – продовольственная база «Продторга». Мрак над складами и хозяйственными постройками. Только сторожка пристально уставилась желтыми глазищами в темноту.

Не спится сторожу. Из открытой форточки время от времени доносятся обрывки фраз. И если встать у ворот, метрах в трех от сторожки, то можно, оставаясь незамеченным послушать, о чем разговаривают в столь поздний час.

Этой ночью на территории базы помимо сторожа был еще один человек. И присутствие его здесь было и случайным и закономерным одновременно. Дело в том, что около двух недель тому назад произошло одно событие.

Было августовское утро, прозрачную тишину которого нарушало лишь пение ранних пташек. Узкий металлический столб с рыжими пятнами ржавчины да прикрепленная к нему иссохшая, наполовину обломленная желтоватая картонка с размытыми чернушками цифр. Это было первое, что увидел проснувшийся молодой человек. Ночь он провел на широкой неотесанной деревянной доске, пристроенной на двух булыжниках. Ужасно хотелось пить, голова раскалывалась. Оглядевшись, он понял, что находится на окраине какой-то деревушки. Вот только беда – как здесь оказался и почему спал под открытым небом, этого он не помнил. Попытка собраться с мыслями ни к чему не привела, только сильнее заболела голова, и молодой человек решил не напрягаться попусту.

На вид ему можно было дать лет двадцать семь – двадцать восемь. Высокого роста, широк в плечах. Волосы он имел темно-русые, глаза голубые. Одет был прилично, но при общей «помятости» одежды утратили полагающуюся им привлекательность.

Поднявшись, парень отряхнул испачканную пылью штанину, потянулся, расправив плечи, и неторопливым шагом направился в глубь деревушки в надежде отыскать колонку, или колодец. Засунув руки в карманы брюк, он шел по вытоптанной тропинке, оглядываясь по сторонам. Солнце поднялось уже достаточно высоко, и от нарастающей жары у молодого человека начинало мутиться в глазах. Руки, ноги и голова размякли, как будто были из пластилина.

Неподалеку послышался шум льющейся воды, и сам воздух, казалось, стал заметно свежее. Свернув за угол, он увидел колонку. Какой-то старик набирал воду в небольшой алюминиевый бидон.

– Хороша водица, батя? – поинтересовался молодой человек.

Старик, слегка вздрогнув, повернулся и хотел было что-то ответить, но осекся на полуслове и удивленно уставился на парня. Вода уже наполнила бидон и теперь, звонко журча, стекала по его бокам, убегая к ближайшему кустарнику.

– Отец, попить можно?

Старик растерянно посторонился, пропустив молодого человека к колонке.

Тот пил долго и жадно, то и дело переводя дух. Утолив жажду, умылся и подставил голову под холодную струю. Эта процедура окончательно привела его в чувства.

– Отец, – обратился он к старику, который все это время так и стоял с бидоном в руке и уходит, по-видимому, не собирався. – А что за деревня-то?

– Так не деревня, поселок это. А называется – Черный.

– Вот те на, за что его так?

– Расскажу, если хочешь, по дороге.

– Куда это?

– Ты ведь на остановку пойдешь, и мне туда же.

Слегка удивившись пронительности старика, молодой человек согласился, и они вместе отправились к автобусной остановке.

По дороге старик что-то рассказывал, при этом энергично жестикулируя.

– ... Так вот, кот этот, подлец, подкараулил председателя и прыг ему на лысую башку. Тот как заорет во всю глотку, и бежать. А котьяра не спрыгивает, еще крепче вцепился когтями в лысину. Так они через всю деревню и пронеслись. Кота того Черным кликали. Народ из соседних поселков узнал о проказах его, и стали в разговорах между собой поселок этот Черным называть. Так и приклеилось прозвище.

Молодой человек хохотал, слушая рассказ старика.

– Ну, ты, батя, загнул, – задыхаясь от смеха, выговорил он. – Классная байка.

На остановке было многолюдно. В выходной день многие ехали в город за покупками, в гости и просто пошататься по улицам. Молодежь вела себя шумно и весело. Перспектива предстоящей поездки в город вдохновляла юные сердца. Движения подростков выказывали нетерпение, а разговор – неопределенность намерений. Одно лишь они знали наверняка – у них есть немного денег, которым в городе найдется применение.

На лавке сидели две старушки, энергично что-то обсуждая. Они то и дело заливисто хохотали, словно дети, и этим обращали на себя внимание окружающих. Наши герои встали неподалеку.

– Сынок, а ты тут по делу или как?

– Нет, батя, не по делу. Отдохнули вчера хорошо. Как в эту дер... поселок попал, не помню. Ты не подумай, я не алкаш там какой-то. Со мной вообще такое впервые.

– Ничего, дело молодое. У меня в твоём возрасте еще похлеще случаи бывали.

– Расскажи что-нибудь.

– Я тут на базе продовольственной работаю, сторожем, – сказал старик. – Ты бы зашел как-нибудь, там бы и поговорили, и выпить можно.

– Можно, – ответил молодой человек.

– Телефон записал бы. Позвонишь и договоримся.

– Нечем. Да я запомню.

Остановился и устало «выдохнул», открывая двери, старенький «Икарус». Людской поток хлынул внутрь. Народа было намного больше, чем мог вместить не самый просторный салон автобуса, тем более наполовину заполненный на предыдущих остановках. Людская волна отнесла юношу чуть правее старика. В общей толчее они оказались разделенными, но все же внутри автобуса. Между ними, упираясь друг в друга локтями и плечами, стояли несколько человек. Непостижимым образом люди все до одного утрамбовались в автобус, и он тяжело перегруженным кораблем «отчалил» от остановки.

Все смешалось, и люди, еще недавно четко разделенные возрастом и интересами, теперь стали одной сплошной массой. Кроме двух старушек, которым уступили места.

– Я как к подруге уеду, племянник волнуется, звонит. Что это, говорит, ты так долго едешь, я же переживаю. А мы с Наськой бутылочку выпьем, хорошо нам.

- Целую бутылку?
 - Так за ночь-то, нормально.
 - Тебе лет-то сколько, Антоновна?
 - Семьдесят третий пошел.
 - А я вчера концерт смотрела, Галкин выступал...
 - Да нет, вчера Агутин пел.
 - По какой программе?
 - По первой.
 - А концерт по третьей был. Галкин так прям смешно говорил.
 - Агутин пел с этой, как ее?
 - Варлей?
 - Сама ты Варлей. С Агутихой своей он пел.
- Старушки весело рассмеялись.
- Слушай, Ивановна, тебе семьдесят или больше?
 - Семьдесят первый пошел.
 - Ой, молодая еще.
 - На два года тебя моложе.
 - Выглядишь молодо.

В автобусе было душно. Напряжение, исходящее от людей, было настолько велико, что, казалось, если присмотреться, можно его увидеть и даже потрогать.

Многие с откровенной завистью смотрели на сидящих счастливых, постепенно выращивая свою ненависть к ним и надеясь, при случае, захватить освободившееся поблизости место. Автобус «проплывал» мимо очередной остановки по дороге в город. Водитель, зная о загруженности и о том, что люди обычно до города не выходят, решил не останавливаться. Тем более на остановке стоял всего один паренек. Видя намерение водителя проехать мимо, он отчаянно замахал руками в надежде привлечь внимание, но тщетно. Автобус уже проехал остановку, как вдруг парень поднял с земли увесистый булыжник и метнул его в сторону удаляющегося транспорта. Камень попал в заднее стекло. Осколки брызнули в спрессованную человеческую массу. Брошен он был с такой силой, что, пробив стекло, влетел внутрь и ударил в голову стоящему у окна мужчине. Началась паника и давка. Крики, стоны, мат моментально наполнили салон автобуса. Водитель не сразу понял, что произошло, но интуитивно резко остановил машину и открыл двери. Автобус быстро опустел.

На улице оказывали первую помощь пострадавшим, обрабатывая изрезанные лица и руки. Человек, которому камень попал в голову, потерял сознание. Его аккуратно положили на расстеленные одежды, подложив под голову чью-то свернутую рубашку. От обильного кровотечения волосы его слиплись и висели бурыми сосульками. Рану на голове обработали йодом и перевязали бинтом. Водитель вызвал по рации «скорую». Никто не бросился искать мстительного паренька. Он давно уже скрылся в ближайшем перелеске.

Люди возмущенно обсуждали случившееся.

- Что творится, совсем люди озверели. Это надо же.

Автомобиль «скорой помощи» приехал на удивление быстро. Забрали мужчину с разбитой головой, уже пришедшего в сознание, и еще несколько человек с серьезными травмами лица.

Водитель объявил о том, что автобус идет до первой городской остановки, а затем в парк.

Выходной был испорчен. Люди заполнили салон, обозленные и расстроенные. Покаленный «Икарус» не спеша тронулся в путь.

Парень, по вине которого произошло несчастье, сделал большой крюк по лесу, перешел кукурузное поле и оказался довольно далеко от места происшествия. Дойдя до ближайшей

остановки, он стал дожидаться другого автобуса. Так как дорога в город была одна и паренек не был уверен в том, что опасность миновала, он немного нервничал, желая поскорее уехать отсюда подальше. Волнуясь, он нетерпеливо теребил в руках, сорванный по дороге цветок. Из-за поворота показался автобус. «Другой, слава богу» – облегченно выдохнул он.

«Икарус» с зияющей позади дырой подъехал к городской автобусной остановке, и, высадив пассажиров, уехал в парк. Кто-то остался на остановке, остальные же разошлись по своим делам.

– Ну, что, батя, давай прощаться. Я позвоню.

– А тебе куда сейчас?

– Да здесь недалеко, в гости зайду.

– Номер телефона запомнил? Не забудешь?

– Не забуду, созвонимся. До встречи.

– Удачи тебе, сынок.

Внезапно старик сморщился, согнулся пополам и в попытке ухватиться за что-нибудь отчаянно выбросил руки в разные стороны. Опоры поблизости не оказалось, и он упал на землю. Бидон из рук не выпустил и с размаху глухо стукнул его о землю. Крышка отлетела в сторону, вода расплескалась.

– Отец, что с тобой? Я сейчас, я быстро...

– Сынок, – на выдохе выговорил старик. – Сынок, ничего, все нормально.

– Да ты что, тебе в больницу надо!

– Нет, у меня бывает так. Просто сердце схватило, после сегодняшнего... Не забуду никак.

– Ну что ты, батя... В общем так, я тебя до дома провожу.

– У тебя свои дела есть. Не люблю я этого, не надо со мной возиться. Спасибо тебе, но не надо.

– Ладно, на автобус посажу тебя и пойду.

Они присели на лавку и несколько минут сидели молча. А когда попытались заговорить, разговор никак не клеился. Выходили какие-то обрывочные фразы, на которые собеседник отвечал лишь «да» и замолкал. Неловкое молчание продлилось недолго. Вскоре подошел нужный старику автобус. Пожав друг другу руки, они попрощались.

Сегодня, примерно через две недели после знакомства, они встретились снова.

Скромный дуэт коренных обитателей стола – телефона и графина с водой – был нарушен. Бутылка водки уютно устроилась в окружении нескольких видов колбас, аккуратно нарезанных кружочками и уложенных на блюда. Водку пили из граненых стаканов, наливая каждый раз половину. Время шло, и разговор становился все более душевным и откровенным.

– Скажи мне, зачем мы живем? – неожиданно спросил сторож. – В чем смысл?

Собеседник молчал.

– А я отвечу – в детях наших. Иного и быть не может, – уверенно добавил он. – И вот что еще – жизнь наша хрупка, как стекло. Ни у кого нет гарантии. День прожил и ладно, радуйся. Ведь завтра может быть конец.

– Что это тебя, Митрич, на философские размышления потянуло? – включился в разговор гость.

– Сын у меня погиб недавно. Плохо мне сейчас. Тоска на душе. Я и тебя-то заметил – уж больно похож на него. Молодой был, красивый, и так нелепо все вышло. Отслужил в армии, в десантных войсках, вернулся домой. Я его устроил к себе, на железную дорогу, я ведь до пен-

сии машинистом работал. Все путем. Работал парень, деньги хорошие зарабатывал. Квартира была, машину купил. Семейой обзавелся.

И вот на День железнодорожника поехали они всем коллективом за город отдыхать. Как положено, посидели, выпили. Дело к отъезду уже шло. Многие крепко набрались, а он у меня не особо до водки охотник. Рассказывали, что он совсем немного выпил. Когда уже собирались уезжать, мой искупаться захотел, напоследок. Сидел весь день за столом, и вдруг черт дернул. За общей суетой не сразу и хватились. А когда поняли, что пропал человек, стали искать, да не нашли. Потом кто-то вспомнил, что видел его у воды. Нырjali, но все без толку. Только на следующий день водолазы его тело подняли. Захлебнулся он. Видно, берег обвалился, или в яму попал... – сторож замолчал.

В наступившей тишине было слышно, как бьются о стекло мотыльки, стараясь пробиться к свету. Старик закурил. Дым поднимался вверх и грузно висел над столом серым всклокоченным облаком, пропитанным человеческим горем. Безмолвие натягивало нервы, словно струны, и тисками невыносимо сжимало сердце. Раздался глубокий вздох, в попытке сбросить навалившийся груз. Митрич залпом опрокинул стакан водки, затянулся сигаретой и продолжил:

– А жена его, не прошло и девяти дней после его смерти, имущество взялась делить. Адвоката наняла. Приехали они к нам с бабкой. На машину претензии высказывали, гараж говорят, продавайте, а деньги поровну поделим. Нет, я не против, все бы ей отдал, тем более что беременна, на восьмом месяце. Но скажи мне, совесть-то есть у людей?

Гость не отвечал. Он был чем-то озабочен. То и дело поглядывал на собеседника и задумчиво отводил глаза.

– Все мы смертны, Митрич. И я считаю, надо уметь получать от жизни удовольствие...

– И в чем же это удовольствие?

– Я не спорю, потеря близкого человека – горе, но нельзя на себе ставить крест. Пей, гуляй, один раз живем.

– Верно говоришь, один раз, но на то она и жизнь, по-разному бывает. Гулять, конечно, хорошо, но шалости это все, так, шелуха. О душе думать надо.

– О чем это ты?

– Живет человек в свое удовольствие, холит себя и лелеет, и врет, потому как ради себя считает, все можно. И не дай бог еще и крадет. Придет время, с тяжелым сердцем будет вспоминать дела свои.

– Митрич, ты случаем не проповедуешь? Взрослый человек, неглупый, а рассуждаешь... Прекращай бодягу о душе. Сказки для слабых.

– Молод ты, не понимаешь многого, – с горечью ответил Митрич. – Ну да ладно, давай выпьем, – выдохнул он и потянулся за бутылкой.

– Надо же, опорожнили уж. Слушай, не в службу, а в дружбу, сходи в магазин.

Митрич порылся в карманах и вытащил на свет измятую купюру.

– Вот, возьми.

– Обижаешь, Митрич, я банкую. – Гость извлек из полиэтиленового пакета под столом еще одну бутылку.

Сторож одобрительно крякнул.

– Митрич, мне на работу завтра. Я последнюю и все, хорош. Ты не в обиде? Помянем сына твоего.

Они молча выпили, и каждый на минуту задумался о чем-то своем. Первым тишину нарушил гость.

– Знаешь, прости меня, Митрич, чушь я нес про гулянки и все такое. Я сам без отца вырос, детдомовский. А сейчас сижу тут, и вдруг подумалось, будь у меня такой отец, как ты, может, и жизнь сложилась бы по-другому.

В детдоме как-то, мне лет десять было, в футбол играли со старшаками. Сам не

знаю как, но мы тогда выиграли. Представляешь, десятилетки выигрывают у пятнадцатилетних. Радости было – полные карманы. Весь день ходили гордые.

Вечером, после отбоя, я спал почти уже, вдруг шум какой-то. Глаза открываю, и обомлел. Стоит надо мной «Вася-тонна», здоровенный, кабан. «Ну че? – говорит. – В футбол умеем играть?» И понеслась... Поломали они нас, малолеток, крепко, чтоб не повадно было старших «опускаться». Помню, дополз я до шконки, весь синий, как жмурик. Слезы вперемешку с кровью. От обиды выть хочется. Чувствую, кто-то рядом стоит. Ну, думаю, хана, добивать пришли. Сжался весь пружиной и жду. Сердце колотится, обернуться страшно. Сколько лежал, не знаю. В конце концов понял, что нет никого, обернулся – и вправду пусто. Так мне тогда захотелось отца увидеть. Обнять его, пожаловаться. И чтоб наказал всех. Он бы смог...

Наступила пауза. Молодой человек смотрел куда-то в сторону, сжав зубы. Сторож понимающе молчал. Гость опустил голову и, не глядя на собеседника, сказал:

– Че-то я расслабился, Митрич, на сантименты потянуло. Водка, зараза. Пойду, проветрюсь.

Сторож кивнул в ответ. Гость вышел на улицу и глубоко затянулся прохладным ночным воздухом. Последние летние ночи. Скоро рыжая осень. Над головой насмешливо каркнула ворона. «И не спится проклятой», – подумал молодой человек и взглянул вверх. Небо миллиардами глаз внимательно смотрело на него. Неестественно багровая луна сказочным исполнением зависла над землей. Он стоял, замороженный, глядя на ночное светило. Быть может, волки смотрят на нее так же, наполняя тоской свои волчьи души. Резкий порыв ветра обжег лицо. Сколько прошло времени, минута, полчаса? Еле слышный свист вернул его в реальность. Он подошел к воротам и открыл ключом замок.

– Ну, как делишки, братан?

– В порядке. Готов старик.

– В таком разе отдыхай, братуха, ты свое дело сделал.

– Слышь, Пых.

– Ну?

– Старика не мочите, ладно.

– Ты че, кореш, отдыхай.

– Я говорю, старика не мочите.

– Лады, лады.

Гость пошел за ворота. Несколько человек направились к сторожке. Послышался шум, затем приглушенный стон, и все стихло. Два крытых грузовика неторопливо отправились к продовольственным складам.

Он сидел в машине сам не свой, угрюмо понутив голову.

– Старик, че с тобой? Тоска-кручина одолела? Ща, дело сделаем, в кабачок зарулим. И вся тоска, как с куста роса.

Через некоторое время груженные машины одна за другой выехали с территории базы.

– Ну, теперь и нам пора...

– погоди. – Недавний гость старика вышел из машины и направился к сторожке.

Каждый шаг давался тяжело. Ноги, словно ватные, нехотя тащили вперед. Сердце рвалось, будто кричало: «Не ходи!»

Перевернутые стулья, телефон валялся на полу, сверкая внутренностями. Митрич лежал между столом и металлической кроватью, изъеденной ржавчиной. В глазах не было ужаса, скорее удивление. Красное пятно расплылось по разорванной рубашке.

Зачем?! Он выскочил на улицу, трясаясь от гнева.

– Суки!!!

– Ты че, нерва сдала? – удивился Пых.

Молодой человек сломленно замолчал и уселся на влажную от росы траву. Пых вышел из машины.

– Ладно, братан, поехали, – смягчившись, сказал он. – Давай, давай, поднимайся. – Он попытался приподнять товарища. Но тот отстранился и неторопливо встал сам.

Заурчал движок, и через минуту машина исчезла за поворотом.

Уже наступал рассвет. Солнце плавно поднималось над горизонтом, освещая полыхавшие склады, онемевшую сторожку и распахнутые настежь ворота продовольственной базы «Продторга».

А тем временем машина уносила гостя прочь из этой ночи.

Вечером в ресторане «Багровый век» отдыхали ребята. Те самые, что прошлой ночью навестили базу «Продторга». Веселье шло полным ходом. Но одному из них было не особенно весело. Весь вечер он сидел хмурый, пил часто, закусывал мало.

– Славян, ты че «потух»?

– Пых, я домой, спать.

– Давай, до завтра.

Слава вышел на крыльцо. Достал сигарету и закурил. Проходящие мимо девушки с интересом посмотрели на него. Высокий, статный. Одет со вкусом. На груди золотой крест. Весь его облик был пропитан уверенностью и спокойствием. Слава был авторитетным вором. Ему было двадцать восемь лет. Голову кое-где уже припорошило сединой. Глубокие морщины на лбу, взгляд человека, который прожил жизнь и многое повидал. Он неторопливо докурил и достал из кармана мобильный телефон.

– Алло, Вика? Мне нужно тебя увидеть.

– Приезжай. Ты голодный, приготовить что-нибудь?

– Не надо. Скоро буду.

Он поймал машину. Ехали молча. Негромко работало радио. «А сейчас, уважаемые радиослушатели, наша ежедневная передача «Голос верующего...»

Слава раздраженно выключил радио.

– Слушай, парень, у себя дома командовать будешь, – возмутился водитель и снова включил радио.

«...Заповеди божьи...»

– Слышь, командир, меня отвезешь и включишь свою «говорилку».

Это прозвучало спокойно, но в то же время настолько жестко и уверенно, что водитель решил не спорить. Оставшуюся дорогу проделали в тишине.

– У продуктового остановишь.

Водитель покорно затормозил в указанном месте.

Слава зашел в магазин. Купил бутылку коньяка, вина, апельсинов и коробку конфет.

Поднялся по знакомой лестнице. Давненько он здесь не был. Прислонился к стене, достал из пачки последнюю сигарету. Дым, поднимаясь, зависал над ним. Он смотрел на его серые лоскуты, будто вспоминая о чем-то.

– Ты долго еще? – Вика стояла на лестничной площадке в домашнем халатике и тапочках.

«Странная она. Почувствовала, что я здесь».

– Сейчас, докурю.

– Окурок не бросай на пол.

– А куда его?

– У меня выбросишь.

Вика знала, кем он был. И знала, что приходил Слава только тогда, когда ему было плохо или одиноко.

– Ну как ты, Вика? Что нового?

– Заходил бы почаще и не спрашивал.

– Вика, ну ты же знаешь, дела...

– Знаю я твои дела. Романтик с большой дороги.

– Романтик говоришь? Это ты в точку. Вот только откуда романтика эта, не задумывалась?

– Ну и откуда же?

– Выпьем?

– Мне на работу завтра.

– И мне.

Вика невесело усмехнулась. Слава наполнил бокалы.

– Романтика эта от души нашей русской, большой и глубокой, как страна. Здесь многое утопить и перепутать можно. Всем известна сентиментальная черта русская, в простонародии именуемая жалостью. Наслушается народ песен залиvistых о тяжелой доле уркаганской и поневоле жалеет горемычных. А они тем временем, под слезу народную, тащат добро из карманов и домов обжитых. Обиднее всего, по телевизору глянешь – корчат из себя власть имущие всех рангов и мастей благодетелей народных, а за кадром, под аккомпанемент все тех же певцов, слезоточивцев-душираздирателей, уходят составы на Запад. Растаскивают Россию, как крысы, по частям в заграничные норы. Строят свое благополучие на крови людской.

Я бы еще понял слагающих в поддержку воровства песни бывших уроков. Это еще куда ни шло. Но когда считающий себя интеллигентным, уважаемый артист поет в их честь гимны, типа: «...А воры законные люди очень милые, ну, все мои знакомые, а многие любимые...» Мало того что он с какой-то особой гордостью признает свое причастие, плюс к этому, что самое опасное, создает ореол загадочной, романтической жизни воров, такой привлекательной для юных, неокрепших умов. И вот те молодые люди, которым завтра страну поднимать, задумываются, а стоит ли надрываться? Может, лучше обмануть, украсть, глядишь, и тебя прославят на костях народных.

– Вот видишь, Славочка, ты же понимаешь. Бросай.

– И что я буду делать?

– Работать.

– Вика, кем? Я с малолеток краду и ничего больше не умею.

– Живут же люди.

– Горбатиться за копейки? Вика, я в авторитете, привык ко всему этому, и другой жизни у меня быть не может.

– Господи, ну что же мне делать? Я устала, Слава. Я хочу семью, детей.

– Нам что, вдвоем плохо? Давай получать от жизни удовольств... – Он остановился на полуслове – в памяти всплыло красное пятно крови, и лицо.

– Слав, ты что, Слав? – Вика теребила его за руку.

– Давай выпьем.

Он налил ей еще вина. Сам же отхлебнул коньяк прямо из бутылки.

– Сигарет нет, пойду схожу.

По-хулигански выправленная рубашка. Руки в карманах. На груди красуется золотой крест. Развязной походкой он шел по темной улице. Навстречу ему шли человек пять-шесть.

– Огоньку не найдется?

Толпа подростков, хищно улыбаясь, окружила его. Дальнейшие их действия были предсказуемы. Слава знал – говорить с ними бесполезно. Единственное, что признают эти стервят-

ники, – грубая сила. И поэтому без лишних слов выхватил из кармана брюк заточку и воткнул ближайшему в живот. Тот взвыл и пустился бежать. Остальные бросились врассыпную.

Слава достал платок и вытер кровь с лезвия. Потом купил сигарет и вернулся к Вике.

– Ты что так долго? – спросила Вика.

– Приятеля встретил. Пообщались...

– Иди ко мне...

Утром Славу разбудил телефонный звонок. Вики рядом не было.

– Да.

– Ты где? Не забыл, сегодня у Коси днюха.

– Я попозже подъеду. Не теряйте.

– Давай.

На кухне Слава обнаружил приготовленный завтрак и записку: «Я ушла. Будешь уходить, ключи соседке оставь. Целую».

Перекусив, Слава вышел на улицу и поймал такси. Шофер за несколько минут довез его к центральной площади. Слава сам толком не понимал, зачем приехал сюда.

Расплатился и вышел из машины. На площади, сверкая куполами, стояла церковь. Построили ее недавно. Новенькое здание выделялось на общем фоне яркостью красок. Он вошел внутрь и остановился у порога в нерешительности.

– Ну что же вы, проходите, пожалуйста, – добродушно улыбнулась ему бабушка в синем платке.

Слава сделал несколько шагов и встал у стены. У образов крестились люди. В большой медной чаше, потрескивая, горели свечи. Воздух был наполнен запахом расплавленного воска, от которого закружилась голова. Неспешность и умиротворение царили здесь. На душе стало непривычно спокойно. Захотелось спать. Просто, облокотиться на стену и забыться.

Из-за резных дверей вышел священник. Люди, по одному, подходили к нему, кланялись и крестились. Слава наблюдал за неторопливыми движениями окружающих. Слова легковесными бабочками срывались с их губ и, невнятно шелестя, растворялись под потолком. Лики святых, изображенные повсюду на стенах, пристально вглядывались в него. Их взгляды проникали внутрь, в самое сердце, отчего становилось неуютно и душно. Сквозь туман зашумевшего сознания послышался голос:

– Здравствуйте.

Слава с трудом повернул свинцовую голову.

– Здравствуйте.

– Тяжело на сердце у тебя, сын мой, – сказал священник.

Слова звучали издали, как эхо.

– Откуда вы знаете?

– Приходите завтра. Разговор у нас будет долгий, непростой. И вам, и мне к нему нужно подготовиться.

Спокойные серые глаза прожигали насквозь. Слава отвел взгляд и пошел к выходу. На плечи навалилось что-то тяжелое, пригибая к земле. Ноги поднимались с трудом. Из тумана выплыло озабоченное старушечье лицо и пропало куда-то. Почти на четвереньках он вытащил себя наружу.

На свежем воздухе отдышался, пришел в себя. Немного погода, достал сигарету, закурил и, не оборачиваясь, двинулся прочь.

День рождения вора. Самый уважаемый ресторан города принимал гостей. Похожие друг на друга, довольные собой, надменные лица. Это люди, которые уверенно, не задумываясь о цене, берут от жизни все, что им необходимо. «И я такой же, – подумал Слава. – А ведь кто-то каждый день ходит на работу, дома его ждут близкие...»

– Братва, тихо! – послышалось откуда-то. – Предоставим слово самому красноречивому из нас. Славян, скажи тост!

Поднявшись из-за стола с рюмкой водки, Слава окинул взглядом зал. Потом ненадолго задумался и, повернувшись к имениннику, сказал:

– Кося, будь человеком!

На несколько мгновений наступила тишина.

– Грамотно, братан, сказал. За человека!

– За человека!

– За человека! – повторяли воры и пили горькую. Стало невыносимо тошно от всего этого. Слава вышел на свежий воздух. Шел дождь.

– Слышь Черный у Славяна че-то не по клифту настрой. Возьми Жабу, Кулю. Проводите его.

– Да, Пых, все в порядке будет.

Вячеслав вышел из-под козырька под дождь.

– Слав, подвезти? – участливо поинтересовался таксист.

Он лишь махнул рукой в ответ, отвергая предложение.

– Славян, погоди. Пых сказал проводить тебя.

– Вали отсюда, чтоб я не видел твоей рожи.

– Все, все, понял, Славян, уже ухожу.

Промокший насквозь человек, слегка покачиваясь, шел вдоль дороги. Дождь скрывал слезы на его лице.

Рядом остановилась машина. За рулем сидела девушка.

– Молодой человек, вас подвезти?

– Ехала бы ты, краля...

– Вам плохо?

Он рывком открыл дверь автомобиля и уселся на заднее сидение.

– На вокзал.

Черный, Куля и Жаба сели в такси.

– Давай за той «Хондой». Уйдут, попадешь.

– Ясно, Саша, – понимающе отозвался таксист.

Таксист не упустил преследуемую машину.

На вокзале Слава вышел и, перейдя дорогу, скрылся в подъезде девятиэтажного дома.

– Что делать будем, Черный?

– Дальше бухать.

Трио исчезло за дверями ближайшего кафе.

На лестничной площадке горела лампочка. Ее облепленное грязью и присохшими мошками стекло нехотя, выборочно пропускало свет наружу. Слава сидел в полумраке на ступенях и курил. В голове неторопливо перебирал отрывки из своей жизни. Отчетливые и бледные, приятные и не очень. Эпизоды шли по порядку, похожие на слайды. Иногда картинка оживали,

порой даже воскрешая забытые чувства. Но чаще попадались темные, неподвижные, словно высеченные на гранитной плите. Снова на плечах он ощутил нарастающую тяжесть. Послышался неразборчивый шелест отпущенных на свободу слов:

– Слава, ты давно?.. Что с тобой? Весь промок.

– Вика... – Он обнял ее колени.

– Пойдем в дом.

Он рассказал ей, как ходил в церковь, как плакал.

– Понимаешь, я с детства слезы не проронил. А сколько слез пролито по моей вине? Мне страшно, не могу больше так. Все, конец, завязываю. Что будет, то будет. Уедем, Вика?

– Неужели дождалась?

– Решено. Только вот куда поехать? Надо подумать.

– В Серово можно. У меня там родня, – предложила Вика. – Городок небольшой.

Но с работой там нормально.

– Вот и ладно.

– Как здорово! Мы поженимся?

– Обещаю.

– Славка, я так тебя люблю.

Он взял ее на руки и закружил.

– Так это дело надо отметить. Я сейчас в магазин сбегаю.

– Славка, он, наверное, закрылся. Там кофешка рядом. Только не задерживайся.

– Две минуты, и я у твоих ног, – улыбнулся Слава.

– Зонтик возьми.

– Да ладно.

– Черный, смотри, Славян, – сказал Куля, глядя в окно.

Парни поспешно скрылись в туалете.

.В кафе Слава купил водки, вина и фруктов.

Жаба приоткрыл дверь.

– Вроде ушел.

Молодые люди вернулись за столик.

– Куля, глянь, куда он пошел.

Слава остановился у ларька купить сигарет. Вынул бумажник, собираясь расплатиться, как вдруг изнутри его словно ошпарило.

– Получай, козлиная рожа!

Слава обернулся. В спине будто провернули кусок раскаленного железа. Он скривился от боли и стал медленно сползать вниз по стенке ларька. Бутылка вина выпала из рук и разбилась об асфальт.

– Помнишь нас, гнида? – В руке убийцы блеснул окровавленный нож, который он тут же вонзил по рукоятку в грудь своей жертве.

– Черный! Славяна валят!

Из кафе выскочили трое. Ночную тишь разорвали выстрелы. Убийца выронил нож и рухнул на землю. Второго ранили в ногу. Он пытался уползти.

– Жаба, в больницу звони, быстро.

– Ты че, сучара, наделал?

Эти слова были адресованы раненному в ногу и трясущемуся от страха парню лет семнадцати.

– Не убивайте, – кричал молодчик. – Не убивай...

Прогремел еще один выстрел. Послышался приближающийся звук милицейской сирены.
– Куля, Жаба, уходим!

Окунувшись лезвием в лужу, рядом с трупом хозяина лежал нож. Подельник убийцы застыл на боку, подложив по-детски под щеку ладонь. Со стороны могло показаться, что человек уснул, перебрав спиртного.

Слава полулежал, опираясь на ларек. Тускнеющим взглядом он смотрел в небо. Последним уплывающим облаком замкнулся сизый караван, открывая луну. Ярко белая, как будто вымытая дождем, она засияла над землей. Алые ручейки разбегались среди стеклянных осколков, смешиваясь с вином. Он улыбнулся, и улыбка смертельной маской так и застыла на лице.

Купюра достоинством в жизнь

У всякой вещи есть начало
И свет несущая заря
Предназначеньем увенчала,
Как остальных, так меня...

Дареному коню в зубы не смотрят...
При условии, что он не троянский.
(о жизни)

Большая светлая комната. Непрерывающийся шум работающих механизмов. «Под нож? Под нож!» – вспыхнула страшная мысль. Но лезвие легло аккуратно, придав правильную прямоугольную форму и освободив. Затем уложили в коробку, где было темно и сухо. Хорошо еще, что оказалась сверху. Можно представить, какое давление, там, внизу. Все они, новенькие, приятно пахнущие свежей краской, в скором времени были упакованы в коробку, которая раскачивалась и иногда слегка подпрыгивала. Но это неудобство продлилось недолго. Ее, как и остальных, выложили на чистенькие полки. «Местные» без интереса посматривали на вновь прибывших. Она заняла место высоко на полке справа от входа, откуда открывался хороший обзор. Внизу ходили люди, продолжая укладывать оставшихся. Потом погрузили на тележку, уложенные квадратами, купюры и закрыли за собой дверь. И деньги остались одни.

Разрешите представить вам тысячерублевую банкноту. Родилась она несколько часов назад, получив необходимое количество краски и защитных знаков. Новорожденной ее можно назвать лишь условно, не применяя к определению человека. Единственная черта свойственная и новорожденным людям и деньгам это чистота. В остальном они не имеют ничего общего. Хотя это спорный вопрос, учитывая последующие взаимоотношения. Ведь не зря говорят: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты». Но с другой стороны характер взаимоотношений бывает разным, что может вызывать определенные сомнения в вышесказанном. Да, еще очень важно отметить, что, рождаясь в определенном смысле, взрослыми, т.е. способными сразу оценивать действительность и делать выводы, деньгам вначале не достает лишь опыта, отсутствие которого, компенсируется в скором времени. Порог между «младенчеством» и зрелостью деньги преодолевают достаточно быстро. Но пока наша банкнота была молода, и радовалась тому, что вся жизнь еще впереди. По соседству, на полке пониже,

лежали пожилые купюры, и ей очень захотелось познакомиться и разузнать, как им живется.

– Здравствуйте.

Старая «тысячерублевка» взглянула вверх.

– Извините, я тут новенькая. У меня к вам большая просьба. Расскажите, пожалуйста, о жизни.

Потрепанная старушка усмехнулась и промолчала.

– Хотя бы что-нибудь, очень хочется узнать.

– Не торопись, придет время, все узнаешь сама.

– Но хочется поскорее, – не унималась банкнота.

– Мне знаком этот интерес, сама, кажется, еще недавно была молодой. От меня пахло чистотой и свежестью, как и от тебя сейчас. Наберись терпения. У каждой в этой жизни собственная дорога. Не заглядывай на другие, хватит с тебя и своей. Первый круг откроет тебе жизнь.

Эти слова прозвучали неясно, даже загадочно, для неискушенной юной купюры. И через секунду она болтала без умолку с такими

же, как она, юными и беззаботными банкнотами. Несколько дней подряд никто не навещал хранилище. Нетерпение к выходу в жизнь наряду со скукой утомляли банкноту. Надоела бесконечная пустая болтовня, хотелось действия, движения куда-нибудь. И вот, наконец, дверь открылась и вошли люди. Погрузили на свои тележки, деньги, что были на нижних полках. Забрали, и мудрую старушку. На нее же не обратили внимания и ушли.

Проходили недели, а банкнота продолжала лежать на полке, в хранилище. На смену радости пришло безразличие. Она уже не вздрагивала от возбуждения всякий раз, когда открывалась дверь, а спокойно наблюдала с высоты за снующими внизу людьми. И когда, однажды пришли за ней, приняла это сдержанно, как – будто боялась спугнуть эти большие и теплые руки. Она и не предполагала, куда попадет теперь, но все казалось лучше, надоевшего хранилища. Повторилась тряска и раскачивание, которые были в первый день, в день ее рождения. Но на этот раз она лежала не в коробке, а в холщовом мешке.

В стене было небольшое окошко, около которого стояла пластиковая этажерка, заполненная документами. На ее верхней полке пылилась старая ваза с засохшим стеблем. На двери был прикреплен большой календарный лист с изображением ежа, несущего на спине ярко красное яблоко и гриб. Старый деревянный стол с потрескавшимся от времени лаком, находился прямо напротив входа. На него и выложили деньги, ровными стопками. Откуда-то неподалеку доносился густой, замешанный множеством слов, гул. Открылось окошко кассы, и гул тут же прекратился. Руки принялись отсчитывать купюры и передавать их туда. «Тысячерублевка» была отдана в третий заход пожилой женщине. Та бережно уложила все деньги в кошелек. Кроме «тысячерублевки», молодых банкнот здесь не было. Ехали молча. Купюра заметила не особенную словоохотливость в денежной среде. Попытки завязать разговор игнорировались. Каждая банкнота держалась обособленно, в себе. Впоследствии она поняла, почему деньги ведут себя так.

Женщину, к которой попала наша героиня, звали Верой Сергеевной, и работала она уборщицей в театре. Получив зарплату, она шла домой и прикидывала в уме, как распределить деньги. Жила она вместе с мужем и сыном. Муж не имел постоянного места работы, хотя раньше трудился в одном НИИ. Теперь единственно доступной ему работой стала погрузка

разгрузка, да и то от случая к случаю. От обиды он начал помаленьку выпивать. Потом все чаще и больше, пока не приобрел алкогольную зависимость. Сын Веры Сергеевны учился в институте и подрабатывал охранником в ночном клубе. Смысленный парень, заканчивал экономический факультет. Он был единственной надеждой матери, утомленной беспросветным пьянством и безработицей мужа.

Вера Сергеевна собиралась сделать сыну небольшой подарок по случаю приближающегося выпуска. Подумала немного, и решила отдать деньги. Пусть сам решает, что на них купить. «Тысячерублевку» она припрятала до поры в книгу, чтобы, не дай бог, муж не пропил. Благо его как раз не было дома. Вера Сергеевна надела фартук и, пошла на кухню, готовить ужин.

Муж объявился к вечеру. Он был пьян. Надо заметить, что несмотря на никчемность супруга, в социальном смысле, жена сохраняла к нему теплые чувства. И не потому, что смирилась, а по сердечной доброте своей, за которую и полюбил ее много лет назад тот красивый юноша, от коего сейчас остались только улыбка и голубые глаза.

– Веруня, – попытался он обнять жену.

– Опять напился. В могилу себя загонишь, – добродушно отчитала она, качая головой.

– Туда мне и дорога. Надоело все.

– На работу бы лучше устроился. Глядишь, и жалеть себя некогда было бы. У Витьки выпуск скоро, подарок бы, какой сыну-то купил.

– Я бы с радостью, Вера. Не берут.

– Ты на себя в зеркало погляди. Кто ж такого возьмет. Не пей хотя бы недельку, побрейся, а потом уж и пробуй.

– Ты же знаешь, неделю я не выдержу.

– А я, сколько еще выдержу, Петя? Не железная ведь. Пожалел бы жену, пьянь фиолетовая.

– Ладно тебе, Вера. Завяжу, обязательно завяжу.

– Когда?

– Морально настроюсь...

– Ты уже год настраиваешься. Такая работа была хорошая, так нет же, ты у нас принципиальный.

– Вера, не надо.

– А что надо? Кто тебя просил директору перечить? Промолчал бы...

– Промолчал? Когда таких людей увольняют, молчать? Смириться с клеветой в их адрес?

Да кто же я после этого был бы?

– Вот именно, Петя, кто ты сейчас?

Петр Вениаминович не нашелся, что ответить и, махнув рукой, ушел в комнату.

Утром вернулся со смены сын.

– Mam, пап, я дома.

– А что сынок не в институте? – озабоченно спросила мать.

– Первых пар нет. К третьей пойду.

– Ты завтракал сынок?

– Да, в клубе, как обычно накормили с утра.

– Может чайку, или молока? Я молочка вчера купила.

– Нет, мам, спасибо. Прилягу на часок, разбудишь?

– Хорошо.

Из комнаты показался опухший отец.

– Привет студенту прохладной жизни.

– Привет, пап.

– О, господи, – простонала мать. – На кого похож.

- На кого? – удивился отец.
- Папа, ты у нас возвращаешься к предкам. «Кроманьонец-naturalis», – смеясь, сказал Виктор.
- Ну, спасибо, сынок, уважил.
- Нет, правда, пап, заканчивал бы ты с алкоголем. Ты же ученый человек.
- Вся его ученость затонула, как древний галион в море спирта.
- И откуда это у простой российской уборщицы такие познания в области парусного флота?
- Не дурней некоторых, – с многозначительным видом ответила Вера Сергеевна.

Петр Вениаминович умылся, привел себя в относительный порядок и подкрался к жене. Она возилась по хозяйству, на кухне.

- Милая моя, Верочка. Ясноокий ангел мой, – начал он.
- О, – рассмеялась жена. – Не иначе понадобилось что.
- Разве я не могу просто сделать приятно любимой женщине. Сразу возникают какие-то подозрения.
- Петь, ты меня так со свадьбы не называл.
- Не может быть. Сколько упущено. Но я наверстаю, ей богу. Каждое утро теперь ты будешь слышать о себе величайшую правду, которая так несправедливо умалчивалась все это время.
- Что с тобой? Заговорил, прям как поэт.
- Милая, я всегда был в глубине души поэтом. Это, словно родничок пробивалось изнутри и, наконец, пробилось. Я вознесу тебя на высоты Парнаса, напою светлой влагой источника Кастальского.

Петр Вениаминович привстал на колени и, прижимая правую руку к сердцу, левую протянул к жене. Вера Сергеевна обняла мужа.

- Хороший ты мой, ласковый. Что мне с тобой делать?
- Радость моя, дай, пожалуйста, денежку на опохмел, плохо мне.
- Вера Сергеевна разочарованно вздохнула.
- Нет уж, милый. С сегодняшнего дня я тебе денег давать не стану. Не хочешь сам бросить, так я тебе помогу.
- Верочка, голубушка ты моя... – запричитал муж.
- Нет, нет, нет. И не проси. Не дам. Иди лучше на работу.
- Петр Вениаминович уселся на табуретку, обреченно опустив голову.
- Петя, не корчи из себя страдальца. Пойду, Витьку разбужу, опоздает в институт. Да и мне на работу пора.

Родственники разошлись, оставив Петра Вениаминовича в сквернейшем расположении духа и тела. «Может, действительно получится бросить?» – подумалось ему. Налил себе чаю. «Иж ты, галион. А почему бы и нет? Пойду хоть почитаю вместо выпивки». Петр Вениаминович направился к книжной полке и вытащил старую книгу о пиратах. Но, как только раскрыл, на пол выпала «тысечерублевка». Петр Вениаминович стоял, недоуменно смотря на банкноту, а банкнота смотрела на него, – освободителя из тесного плена страниц. Позабывший недавно соблазн с новой силой принялся стучать изнутри остолбеневшего мужчины. И достучался. «Я немного, маленькую возьму, и все», – думал он. Наспех одевшись, быстрым шагом устремился к ближайшему магазину. Банкнота на этот раз оказалась во влажном кармане брюк. По соседству с ней валялись хлебные крошки. Она почувствовала себя неуютно в непривычной грязи и сырости. Кроме того, потная рука постоянно сжимала ее в кармане, от чего было тяжело дышать.

В ликероводочном отделе Петр Вениаминович купил бутылку водки. Банкноту положили в пластиковую коробку, и со скрежетом задвинули в ящик. «Тысячерублевке» было не привыкать находиться в полной темноте. Сообразительная от рождения, она уже усвоила, что это нормальное состояние для ей подобных. На удивление, здешние соседи были разговорчивы. Они пытались выспросить подробности ее жизни, при этом ничего не сообщая о себе. Купюра ответила, что рассказывать нечего, сама, мол, недавно вышла из-под печатного станка. После этого, разочарованные деньги ее оставили в покое, и наступила привычная тишина.

Спортивный автомобиль летел по улице, обгоняя другие машины. За рулем сидел, молодой парень двадцати семи лет, слегка навеселе. Звали его Вадим Кронов. В свои годы он имел все: богатый родитель щедро одарил сына, отдав ему в управление ночной клуб. Делами заведения занимался коммерческий директор, а Вадим лишь распоряжался доходами. В машине он был не один. Рядом сидела девушка. Зеленоглазая, пухлогубая, красotka, какие обычно и находятся вблизи состоятельных мужчин. Чуть наклонившись вперед от внутреннего напряжения, в связи с лихим вождением спутника, она всей душой желала скорее добраться до места, чтобы прекратилась эта сумасшедшая гонка. Неожиданно Вадим остановил машину.

– Разве приехали? – спросила девушка.

– Нет. В магазин зайду.

Вадим подошел к ликероводочному отделу. Долго всматривался в ассортимент, и, наконец, выбрал. Открылся ящик, и несколькими купюрами, вместе с нашей героиней, продавец отсчитала сдачу.

Вадим вернулся в машину и тут же открыл коньяк. Отхлебнул прямо из горла.

– Вадик не надо, нельзя ведь за рулем, – увещевала девица. – Приедем, там и выпьешь.

– Мне все можно.

– Если остановят?

– Кто? Менты что ли? Продажные все. Сотку суну, он еще и спасибо скажет. Хочешь, проверим?

– Не надо.

– Какая ты у меня пугливая. Запомни, сейчас ты с Вадиком Кроновым, а значит, ничего не бойся. Ясно?

– Ясно.

– Тогда вперед в бассейн, купаться.

Машина с пробуксовкой рванула с места.

На сей раз «тысячерублевка» лежала в бумажнике. Неудобно подогнулся уголок. Присмотревшись, она разглядела рядом незнакомые купюры, зеленого цвета. В облике читалось непонятная, учитывая достоинство в сто единиц, напыщенность, даже надменность. Банкноте не хотелось выказывать интерес, перед высокомерными соседями, но любопытство оказалось сильнее.

– Добрый день, – обратилась она. Простите мое любопытство, но я еще не встречала таких денег. Кто вы?

Ближайшая купюра взглянула на «тысячерублевку», словно наступила в грязь.

– Sorry, I don't understand.

– Вы иностранки? Вот здорово. Добро пожаловать к нам...

Стодолларовая банкнота прекрасно поняла вопрос, она просто не желала разговаривать с недостойной, по ее мнению денежной единицей. Важная американка отвернулась и замолчала.

Снаружи слышался шум воды и смех. Попав к богачу, в окружение недоброжелательных денег, наша героиня испытывала дискомфорт.

Она ощущала себя третьесортной бумажонкой, пригодной лишь для туалетных нужд. Тоска по уборщице и ее простому кошельку, зеленой волной, нахлынула на банкноту. Купюра не отказалась бы сейчас и от тесной книги.

Спутницу Вадим высадил по дороге домой, пообещав позвонить, а сам отправился спать. По вечерам он всегда отсыпался, чтобы ночью бодрствовать в ночном клубе. Установленный порядок соблюдался на протяжении вот уже нескольких лет. И менять его Вадим не собирался. В его роскошной квартире служанка Надя в очередной раз протирала пыль, когда появился хозяин. Вадим вообще очень нетерпимо относился ко всякого рода грязи, и выходил из себя, если, например, обнаруживал, где-нибудь в углу признаки нестерильности.

Приехал он в плохом настроении. Лег на диван. Откровенно говоря, он всегда приезжал в плохом настроении и никогда не здоровался. Надя, девушка из провинции, давно примирилась с таким положением вещей. Она лишь старалась хорошо сделать работу, не вызывая раздражения своим присутствием. Хозяин любил одиночество, и Надя, когда он был дома, старалась не показываться на глаза.

– Надька! – раздался крик из комнаты.

Надя тут же прибежала. Вадим сидел на диване с горящими от злости глазами, держа двумя пальцами, раздавленную бабочку.

– Откуда здесь эта тварь? Я тебе, за что деньги плачу?! – взревел он.

Надя растерялась и не знала, что ответить.

– Через полчаса, чтоб духу твоего здесь не было!

– Вы меня увольняете? – спросила сквозь слезы Надя.

– Нет, я тебе зарплату повышаю. Конечно, увольняю. Вот тебе выходное пособие.

Вадим достал из бумажника пятисотенную купюру и протянул всхлипывающей девушке.

– Но это же очень мало. Вы мне уже месяц не платили.

– Извини, родная, больше не заработала.

– Но как...

– Давай, давай собирайся и на выход, быстренько.

Надя, рыдая, собрала вещи и вышла за дверь. Идти ей, впрочем, было некуда. С тех пор, как приехала из деревни и не поступила в институт, сразу же, по случаю, устроилась к Вадиму. Платил он немного, но ей хватало. Сейчас же она оказалась на улице с пятью сотнями в кармане. Этого не хватало и на билет домой.

– Развела, слякоть, деревенщина! – зло выговорил вслед Вадим.

Ночью он отдыхал в своем клубе в обществе друзей. Компания сидела в отдельном кабинете. Сюда не проникал шум дискотеки с первого этажа.

– Слушай, Вадик, займи пару соток до завтра, – обратился к нему один из приятелей.

– Без проблем.

Вадим полез в карман, потом в другой. Бумажник не обнаружился.

– Вот сучка, бумажник стащила, – выругался он.

– Кто такая?

– Служанка бывшая. Выгнал сегодня. Деревенщина, а вытащила, я и не заметил.

– Бывает.

– Встречу, убью.

– Сколько там было у тебя?

– Штуки полторы, две.

– У-у-у. И где живет эта ловкая девица, по карманам мастерица?

– А я знаю? Приехала в институт поступать. Не вышло. Случайно встретил. Сидела на бордюре, плакала. Паспорт у нее украли, или сама потеряла. Не помню. Короче, пожалел, взял ее к себе.

– В наше время Вадик, жалость это порок. Я больше скажу, – худший и опаснейший из грехов. Согрешил, вот тебе и кара божья.

Компания рассмеялась. Кто-то предложил выпить за упокой жалости, и вскоре веселье разгорелось с новой силой.

Примерно через две недели, вечером, Вадим, по обыкновению, направлялся в клуб. Ехал не спеша, потягивая пиво. Вдоль дороги стояли проститутки. Одни и те же, развратные, надоевшие лица. Вдруг среди них он заметил новенькую, симпатичную девчонку. Разве что макияж не в меру, а, в общем, очень даже ничего. Обычно Вадим пользовался услугами клубных девушек, и сейчас остановился скорее из любопытства.

После необходимых переговоров с сутенером, девушка села в красный «Феррари» Вадима. Держалась она скованно, молчала.

– Ты что, в первый раз? – спросил он. – Ладно, давай по – быстрому. Мне ехать надо.

Вадик достал последнюю сигарету из пачки и хотел, было закурить, но уронил ее на пол. Пошарил под ногами. Не нашел. Тогда нагнулся ниже, и под сидением наткнулся на какой-то предмет. Это был его бумажник.

– Вот блин! А я думал, служанка украла. Бывает же такое.

Девушка ждала.

– Иди, перехотелось мне. На вот тебе.

Вадик протянул ей пятисотенную купюру. Девушка невесело улыбнулась и вышла из машины. Помяла в руках банкноту. Внизу к ней прилипла еще одна. Это была «тысячерублевка». Надя спрятала тысячу, а пятьсот отдала сутенеру. Она встала в стороне, чтобы не было видно лица, и тихонько заплакала.

В тот вечер, когда ее выгнал Вадим, Надя сняла комнатушку в какой-то грязной гостинице на окраине. Денег хватило ровно на два дня. Пробовала найти работу, но без паспорта никто не брал. Она попыталась пристроиться посудомойкой в ресторан, но и здесь была та же картина. Без паспорта ей отказали. Завтра заканчивался срок аренды гостиничного номера, и необходимо было что-то делать. Надя возвращалась в гостиницу с мыслью о том, что ей остается лишь попробовать зайцем уехать на поезде домой. Другого выхода она не видела. Но этому, к сожалению, не суждено было случиться. В полуосвещенном переулке, недалеко от гостиницы, ее затолкали в машину и привезли в подвал. Вдоль стен здесь тянулись ржавые трубы, окон не было. В углу стояла металлическая кровать. Под потолком тускло светила лампочка. Похитители начали с угроз, потом били. И Надя согласилась со всем, что от нее требовали...

Теперь она жила надеждой выбраться из ямы, уйти, уехать навсегда из этого города и не вспоминать свои наивные желания, не вспоминать весь ужас существования здесь. Теперь у нее есть деньги, пусть немного, но хватит, чтобы попытаться добраться домой. «Добраться домой», – ухмыльнулась она. Отсюда не сбежишь. Охрана в нескольких машинах зорко следила за проститутками. Надя смотрела на девушек вокруг. Они смирились с положением платных игрушек для сильного пола. А ведь многие из них, наверное, когда-то были такими же юными, наивными, как Надя. Сколько часов, недель, месяцев понадобилось, чтобы изуродовать их души, и лица безвозвратно? У нее еще есть время, пока не заполнила проклятая злобная гниль все внутренности, не въелась не выводимым пятном.

Надя настолько погрузилась в себя, что не сразу заметила, что их охранники избивают какого-то мужчину. Его открытая машина стояла неподалеку. Неясно было, что не поделил он с сутенером, который стоял, пригнувшись, и держался за окровавленное лицо. Мужчина упал

на асфальт и пытался уползти. Он закрывался от ударов, но тщетно. Его били зло, беспощадно. Наконец охрана оставила неподвижное тело в покое. Слышались фразы о том, что нужно уезжать. На избитого перестали обращать внимание. И это была роковая ошибка, по меньшей мере, для одного из охранников. Очнувшийся мужчина добрался до машины и достал пистолет. Неожиданно раздались выстрелы. Сначала один, потом еще несколько подряд. Он стрелял в обидчиков. Один охранник лежал на земле, другой, видимо, был ранен и, держась за живот, прятался за машиной.

Напуганные проститутки разбежались, кто куда. Побежала и Надя. Она несколько раз падала по дороге, но будто не замечая боли, все бежала и бежала вперед. Лишь бы дальше отсюда. Остановилась отдышаться. Прислушалась. Поблизости раздался крик одного из охранников.

Надя пыталась спрятаться в подъезде, но дверь была заперта. Рядом светился огнями фасад ночного клуба, и она в отчаянии бросилась туда.

– Миленький, пожалуйста, пусти, – умоляла она охранника.

Тот посмотрел на ее разорванные чулки, разодранные в кровь колени, размазанную тушь, съехавший набок парик, и, растерявшись на мгновение, хотел уже что-то ответить, но Надя его опередила. Она сунула ему в руку смятую «тысячерублевку» и бегом кинулась по направлению к туалету.

– Девушка, к нам нельзя в таком виде, – крикнул охранник.

Надя скрылась за дверью в туалет. Умывшись, она достала из сумочки пузырек с перекисью водорода и обработала царапины на коленях. Выбросила в ведро парик и рваные чулки. Посмотрев в зеркало, увидела там напуганную девочку и улыбнулась ей. Улыбка получилась натянутой. Сейчас было точно не до веселья. Надя выглянула из туалета и медленно пошла к выходу. Там охранник, разыскивающий Надю, разговаривал с тем юношей, который пустил ее внутрь. Она остановилась, и спряталась за углом.

– Такая черненькая в курточке сиреневой, глаза большие, голубые. Не забегала?

У Нади замерло сердце.

– Нет дружище, – ответил Виктор. Последние двадцать минут никто не заходил.

– Точно?

– Точнее не бывает. Я бы запомнил.

– И куда она могла деться? Ладно, бывай.

Охранник вышел на улицу. Надя облегченно вздохнула, подождала несколько минут и подошла к молодому человеку.

– Спасибо. Я вам очень благодарна.

Виктор с трудом узнал ее, без косметики и парика.

– А где же ваш парик?

– Выбросила.

– У вас красивые волосы. А имя, наверное, еще красивее?

– Обыкновенное – Надя.

– Очень приятно Надежда, меня Виктором зовут. Зачем он за вами гнался?

– Я сбежала, хотел догнать.

– Муж?

– Нет, что вы.

– В общем, забирайте свои деньги. Не возьму я.

Виктор протянул ей тысячу.

– Это вам за спасение, – ответила Вера.

– Я спасатель-альтруист, возьмите.

– Можно я здесь побуду немного? Ну, пока там не уляжется...

– Пожалуйста.

– Это вам за вход тогда.

Надя развернулась и быстро прошла в зал. Виктор покрутил в руках «тысячерублевку» и, пожав плечами, положил обратно в карман.

Ночные дежурства в клубе, для него подходили к концу. Не за горами был выпуск в институте. К тому же, он заблаговременно отправил анкету на работу по будущей профессии, и сегодня утром получил положительный ответ. Оставалось недолго бездельничать по ночам, разглядывая красавиц в откровенных одеждах, и в полусне потом сидеть на парах, впитывая необходимые знания. С танцпола вернулся напарник.

– Как там? – спросил Виктор.

– Спокойно. Присяду, отдохну.

– Давай. А я тогда прогуляюсь, музыку послушаю.

Виктор зашел в зал. От громкости уши закладывало, но он давно привык к этой обстановке. Молодежь резвилась на полную катушку. Пульсирующий свет делал движения несколько заторможенными, будто в замедленной съемке. Ди-джей наверху, прижимая наушники, накручивал пластинку. Бармены в белых рубашках и с черными бабочками разливали напитки. «Немного грустно будет расставаться со всем этим», – подумалось вдруг Виктору. Веселье, постоянно присутствующее тут, всегда поддерживало хорошее настроение. Скоро злачное заведение в его жизни заменит офис и бесчисленное количество бумаг. Посмотрев еще около получаса на непрекращающийся праздник жизни, он вернулся к выходу.

– Тебя девушка спрашивала. Я сказал, что ты на танцполе. Просила передать тебе огромное спасибо, и ушла.

– Понятно.

– Рассказывай, чем так девчонок ублажаешь, что спасибо говорят, да и еще и огромное? – подковырнул напарник.

– В туалет пустил.

Напарник недоуменно посмотрел на коллегу.

– Иди в зал, – шутливо подтолкнул его в спину Виктор.

– Меня-топустишь, злодей? – засмеялся напарник. Или только по талонам теперь?

Виктор подтолкнул коллегу в зал и вернулся к выходу.

Лева вот уже несколько часов смотрел ужасные сны, сопровождаемые страшной болью. При этом он не спал, нет. Он бодрствовал. Но его реальность не имела ничего общего с действительностью. Иногда из дымки выплывали лица прохожих, и снова растворялись в паутине муки. Он бродил в поиске утешения своей адской жажды, и всюду, где успел побывать, слышал отказ.

«Деньги будут, приходи», – неизменно отвечали на его мольбы и унижения. Он вставал на колени, плакал, умолял, угрожал, вертелся волчком по земле. Но его отчаяние, лишь смешило. Осталось последнее место, где ему, он был уверен, дадут займы дозу. Но уверенность это вселялась далеко не разумом, а краем обрыва, именуемого безысходность. Лева буквально вполз по ступенькам, с трудом открыл двери, и, приподнявшись, встал у входа. Здесь было много света, слишком много, так что мозг его получил сильный ожог, и Лева тихонько застал. Галстук, в сиреневых разводах плавно раскачиваясь, приблизился к нему. Над галстуком что-то шуршали губы. Но Лева не понимал. Одна волнующая мысль охранялась теперь его полуразрушенным сознанием, и на нее одну он хотел услышать ответ. Все остальное, – бес-

смысленность, смерть. Собрав остатки координации, напрягаясь так, что вена набухла на лбу, он несвязно вывалил наружу слова:

– Мооо-жно, прайтии...

И тут же сконцентрировал все рецепторы на прием. От этого зависело все. Ставкой была его жизнь. Хлестко, будто щелчок плети, коротко, бритвой полоснуло в ответ, и отрезало, обрвало:

– Нет.

Незамысловатое слово из трех букв. Простое, но фатально тяжелое порой. Придавило, перевесило, его, Левину жизнь. Бездна, открывшаяся сразу же за ним, была настолько невероятно пугающей, что он затрясся и посмотрел на охранника, и увидел лицо его. Жестокое лицо самой смерти.

Вышел ли он сам, или его вывели, для Левы это не имело значения. Он смирился и ведомый под руку холодной старухой, искал укромное место для беспробудного сна. Вскоре такое место нашлось. Пристроился между мусорными контейнерами на корточках. Боль, изводящая его все эти часы, была ничто перед мраком надвигающегося конца. Леве было очень страшно, и страх этот свойством своим превосходил всякую боль.

Надя, покинув ночной клуб, отправилась на вокзал, ведомая желанием любым способом покинуть город, принесший разочарование и боль. Была глубокая ночь. Людей на улицах не встречалось. По дорогам сновали туда-сюда милицейские машины. Посмотрев на свои истрапаннные колени, Надя задумалась: «А если остановят? Без паспорта точно загребут. Лучше дожидаться утра, когда народ поедет на работу. В толпе будет легче добраться до вокзала». С этими мыслями она осмотрелась. Зашла во двор рядом, в надежде отсидеться до утра в подъезде. Можно было, конечно, вернуться в клуб, но она не захотела злоупотреблять гостеприимством. Одиноким фонарь слепо тарасился во тьму. К счастью нашелся открытый подъезд. Устроившись на подоконнике, Надя пробовала уснуть. В полубреду навалились воспоминания о доме, о маме, которая знать не знает, что с дочкой теперь. Последнее письмо Надя отправила около месяца назад. «Ничего, дома все устроится. С голоду не умру. Сюда больше никогда не вернусь».

Заря осветила пустынные улицы города. Виктор переоделся после смены и, попрощавшись с напарником, отправился к автобусной остановке. Напрямую было далековато, он всегда ходил через двор. Посмотрел на часы. До начала занятий оставалось еще достаточно времени, и Виктор не торопился. В кармане у него бала тысяча рублей, подаренных незнакомкой. «Не захотела забрать, так придется использовать по назначению, или лучше матери отдам. Ей виднее на что потратить», – думал он.

Лева в бессознательном состоянии лежал у мусорного контейнера. Приближающиеся шаги растревожили его отходящее тело. Мука продолжалась до сих пор, и конца ей не было видно. Страх смерти снова уступил место боли. Лева выглянул из-за бака и чуть не взревел от бешенства. По дороге шел тот самый охранник, лишивший его последней надежды. Парень улыбался чему-то. Внезапно Лева ослеп на несколько секунд. Очередная выходка ломки. Когда прозрел, увидел темное пятно удаляющейся спины. Она выглядела, как мишень с размытыми краями. «Ну, давай же, упустишь», – заговорил бес внутри наркомана. «Отомсти, отомсти!» – подстегивал он. Лева поднялся, сжимая в руке нож. Покачиваясь, он побежал вперед. Ярость придавала сил. Как будто в кино. Где-то он уже подобное видел. Удар за ударом со звериным рыком изнутри. Нож влетал в тело, и выскакивал из него, сказочным попрыгунчиком, каж-

дый раз забирая с собой капли крови. Похоже на компьютерную игру. В конце окровавленный враг бездыханно лежит, поверженный героем. Лева оскалился. Порылся в карманах, и извлек на свет «тысячерублевку». Он даже взвыл от восторга и бросился прочь.

Банкнота испуганно притаилась в кармане убийцы. От сердца, загнанного в угол, боявшегося шелохнуться, чтобы не спугнуть еще одну минуту жизни, вдруг пошли багровые обжигающие круги. Нарастающий жар проникал всюду, словно кровавый восход из глубины гнилого болота, испепелял самые страхи и боль. Грядет исцеление ядом... В багряном, в багряном, в багряном, закате. Чувствуя причастность к ужасу воскрешения через убийство, банкнота сжалась, сдавливаемая плотными, жгучими обручами безмерной алчности. Но стоило забыть на мгновение, отделиться от ощущения сопричастности, как тут же пропадали проклятые багрянцы, и можно было вздохнуть в полную силу. «Вот так и надо, ни о чем не думать, ведь я ни при чем», – повторяла она. Они сами. Я просто бумага... Просто бумага... С каплями крови. С каплями крови? Как жутко они расплзаются алым. До такой степени невозможно смотреть, что придется привыкнуть.

Большая солнечная комната и светлый миг рождения, наполненный радостью и надеждой. В эту минуту они превратились в наваждение, в давно приснившийся сон. Снаружи слышались голоса.

– Откуда деньги?

– Дай, – не обращая внимания на вопрос, прохрипел Лева.

Банкнота оказалась зажата между пальцами ухмыляющегося человека. Ей было неудобно и неприятно между грязными дурно пахнущими пальцами. Хотелось крикнуть: «Отпусти!» Человек повертел ее и бросил в полиэтиленовый пакет. Там скрученные, скомканные, вповалку лежали другие деньги. Сквозь прозрачную преграду купюра наблюдала, как укравший ее убийца, трясущимися руками готовил что-то с помощью зажигалки и ложки. Потом он с таким изумительным умилением воткнул себе в руку иглу, что купюра отвернулась.

Надя очнулась, сидя на подоконнике. На улице было светло. По ступенькам спускалась старушка и одарила ее презрительным взглядом. Пропустив старушку вперед, Надя не спеша, пошла следом. Во дворе было пустынно. Старушка скрылась за поворотом, и Надя решила пойти в другую сторону. И она увидела его. Лежащего на боку, окровавленного, но еще, казалось, живого.

Конечно, она узнала Виктора, укравшего ее этой ночью. Взяла в руку его кисть. Пульс еле слышно вздрагивал.

Надя закричала во весь голос:

– Помогите! Помогите!

Из окна высунулся мужик в грязной майке.

– Я тебе сейчас шалава, поору! – крикнул он.

– Человек умирает, помогите.

Окно закрылось. Никто не спешил на помощь. Надя опрометью бросилась к проезжей части. Люди шарахались от нее в стороны. Машины объезжали, водители осыпали ее бранью.

– Люди помогите, там человек умирает!

– Сумасшедшая! – крикнул кто-то.

Надя бегом вернулась обратно. Сквозь слезы, напрягая все силы, она приподняла Виктора. Пригнулась, чтобы забросить его руки к себе на плечи. На полусогнутых ногах она потащила его. Ноги Виктора волочились по земле.

– Значит, говоришь, спасти хотела, – допытывался следователь.

– Да, – опустив голову, отвечала Надя.

– А паспорт, значит, украли?

– Да.

– Врешь стерва, я вас проституток хорошо знаю! Ничего святого! Убила парня, а потом вдруг совесть проснулась. Так? Только от этого не легче. Ответишь по всей строгости.

Надя молчала.

– Деньги думала, есть, да? – не унимался следователь. – А когда не нашла ничего, выходит и убила зря. Тут совесть и заела. Так?

– Я не убивала...

– Молчать! А кто его пятнадцать раз проткнул? Я что ли? Ты что натворила, сука. Мать без единственного ребенка оставила.

– Я домой хотела уехать...

– Так, – ухватился следователь.

– Меня били, заставили проституцией заниматься. Я убежала. Домой хотела уехать... – как заклинание повторяла она.

– А денег не было, и ты решила любым путем достать?

– Нет.

– Не смей мне врать, дрянь!

В кабинет вошел кто-то и вызвал следователя в коридор.

– Нашли убийцу. Наркоман местный. Нож у него был. Признался во всем. Отпускай девчонку.

– А паспорт?

– Скажи, чтоб завтра духу ее в городе не было.

– Но...

– Я сказал, отпусти.

– Есть.

Следователь вернулся в кабинет.

– Повезло тебе, тварь. Можешь идти. И чтобы сегодня же умотала в свою деревню.

Понятно?

Надя вышла в коридор.

– Дочка, погоди, – обратился к ней тот мужчина, что вызывал следователя.

Она с опаской посмотрела на него.

– Вот возьми.

Он протягивал ей двести рублей.

– Извини, больше нет.

Надя поблагодарила, но деньги не взяла.

– Скажите мне, пожалуйста, его адрес, – сказала она.

– Чей?

– Витин.

– Подожди минутку.

Он вошел в кабинет и вернулся с небольшим листком бумаги.

– Вот.

– Спасибо.

Надя пошла к выходу, а милиционер смотрел ей вслед. Потом вздохнул и, развернувшись, поднялся по лестнице в свой кабинет.

Вера Сергеевна и Петр Вениаминович сидели за столом в комнате.

– Попробую у Петровой еще спросить, – бесцветным голосом сказала Вера Сергеевна.

– Угу, – подтвердил Петр Вениаминович.

– Ой, господиии! – сорвалась мать. – За что же это?! Сыночек мой, родненький! Крови-нушка мояаа...

Петр Вениаминович успокаивал жену:

– Тише мать, отмучился сын наш, успокоился. Не рви сердце.

– Я старая, живая сижу тут, а он...

Раздался звонок в дверь.

– Пойду, открою.

– Я сама, Петя, сиди, – вытирая слезы, сказала Вера Сергеевна.

– Здравствуйте.

На пороге стояла молодая девушка.

– Здравствуй дочка, ты к кому?

– К вам. Я Витю знала.

– Проходи дочка. Горе у нас, какое... – качая головой, запричитала Вера Сергеевна. – Отец, знакомая Витина пришла, учились, наверное, вместе.

– Нет, мы только вчера познакомились, – возразила Надя.

Рассказала родителям Виктора о том, как она познакомилась с их сыном. И о том, как случайно нашла его утром, пыталась помочь.

– Хороший парень был, правда? – мать с надеждой взглянула на Надю.

– Очень хороший.

– Как зовут то тебя дочка?

– Надя.

– Надежда значит. Ты посиди с отцом, а мне позвонить надо.

Вера Сергеевна села за телефон.

– Але, Люба? Да Любушка, да, – отвечала Вера Сергеевна. – Любушка ты не займешь мне? Нету? Ну, извини.

Вера Сергеевна положила трубку и вернулась в комнату.

– Дочка, давай чайку с тобой поьем. Петя, налей нам, пожалуйста.

– Сейчас Верочка, – участливо отозвался муж.

– Вот так, дочка. Был у меня сын, и нет.

– Извините, мне идти нужно, – сказала Надя.

– Подожди дочка, чаю хоть поьем.

– Я приду скоро.

– Если надо, иди милая, – вздохнула Вера Сергеевна. Мы с отцом тебя подождем.

Надя вышла на улицу. Темнело. Город расцветал огнями, переодеваясь для ночной жизни. Становилось прохладно. Застегнув плотнее куртку, Надя торопливо направилась к центру.

В переулке в машине сидели трое. Один, на заднем сидении, пересчитывал деньги. В окошко постучала девушка. Стекло плавно опустилось.

– Чего тебе?

– Мальчики, расслабиться не желаете?

– Сколько?

– Пять.

– Сколько? У тебя там ничего не потрескается?

– Пять на троих.

– Ух, ты. А справишься?

– Справлюсь.

Парень убрал деньги в пакет и спрятал под сидение.

– Заходи, подруга.

Ее пустили в машину.

Через час трое совершенно утомленных парней, расплатились с ней.

Надя вышла и быстрым шагом направилась к углу дома. Как только скрылась за поворотом, тут же побежала, что есть сил.

Когда молодчики обнаружили пропажу пакета с деньгами, Надя была уже далеко.

Купюра, увидев знакомое девичье лицо, очень обрадовалась. Как хорошо, что она забрала ее от этих. Так бы и закричала от радости и обняла спасительницу, если бы могла, конечно.

Надя пришла обратно к старикам.

– Вернулась дочка, вот молодец. Проходи, поужинаем, – обрадовалась Вера Сергеевна.

– Спасибо.

– Ты работаешь, дочка или учишься?

– Домой я еду.

– Далеко?

– Не очень.

Вера Сергеевна понимающе кивнула.

– Ты в Витиной ложись, Надя. Там чистенько.

– Спасибо вам большое за все.

– Тебе дочка спасибо. Никто ведь не помог, ты одна, девчоночка... Ой, господи прости.

Мать заплакала. Петр Вениаминович погладил жену по руке.

– Давайте чаю с медом попьем, – предложил он. – Мне приятель старый прислал.

Чай пили молча, каждый в своих мыслях. После ужина Надю проводили в небольшую, но уютную комнату.

– Тут и жил, сокол мой. Отдыхай, доченька, постель чистая.

Вера Сергеевна не сдержавшись, расплакалась и вышла.

В комнате стоял письменный стол и диван. Между ними оставался узкий проход. В углу, на тумбочке устроился небольшой телевизор. На стене висело зеркало, на котором был прикреплен листок бумаги с какой-то надписью. Надя присмотрелась и прочла: «Nascentes togitug», – было выведено карандашом. У дивана, прижавшись, друг к другу, неподвижно застыли тапочки, в виде собачьих мордочек. Надя провела по ним рукой, будто ожидая в ответ движения живого существа. Но щенки не шелохнулись, а продолжали стоять, высунув наружу красные язычки. Надя прилегла на диван и скоро уснула. Ей снова, как недавно в подъезде приснился дом и мама...

Утром, проснувшись, Вера Сергеевна прошла на кухню, вскипятить чай и приготовить что-нибудь на завтрак юной гостье. Вскоре показался и Петр Вениаминович.

– Девушка спит еще.

– Пускай, спит, намаялась она.

Старики позавтракали, а Надя все не выходила. Тогда Вера Сергеевна решила взглянуть, как там девочка. Но вместо Надежды нашла записку с благодарностью и пакет с деньгами.

– Уехала дочка наша отец, к матери домой. Деньги нам оставила, добрая душа.

– Вернуть бы надо, – сказал Петр Вениаминович.

– Где же, ее хорошую, искать сейчас, – покачала головой жена.

Сквозь мутноватую пленку, купюра узнавала знакомые черты. Руки, с которых начался круг жизни, принимали ее вновь. Руки милой женщины, с кем банкнота не задумываясь,

осталась бы навсегда. Однако судьба подчиняясь, закону денежного круговорота, понесла ее дальше. Последнюю крупницу тепла, банкнота пыталась сохранить как можно дольше, когда прощались с нею добрые руки. И тут же леденящий холод выморозил согревающее благо.

Мрачная зала в черных тонах окружила ее. Люди здесь были молчаливы. Выражения их лиц говорили о едином для всех горе. В этой комнате хозяйкой была скорбь, пропитавшая и стены и мебель, и самый воздух. Хотя купюру и положили в металлический ящик, могильный холодок, обморозивший еще при передаче, проникал и сюда. «Тысячерублевка» лежала неподвижно до самого вечера. Потом приехали какие-то люди, уложили ее с остальными деньгами в знакомый холщовый мешок. Снова тряска и раскачивание. «Что ждет меня на этот раз?» – думала усталая банкнота. Неужели еще худшее?

Тряска прекратилась. И когда ее вынули на свет в хранилище, купюра не поверила глазам. Положили на вторую полку сверху. Немного потрепанная, со следами человеческой алчности и крови, промерзшая до бесчувственности, она скупно поблагодарила обстоятельства за возвращение в родной приют. В тишину и неподвижность. Хотелось остаться навсегда в священном бездействии. Ведь только в этом случае она не распаляла бы в людях неумное желание обладания, одним словом не жила бы, а просто была. Но в то же время она понимала, что просто быть ей не позволят, что у денег не может быть другой жизни. И после первого круга будет второй и третий и неизвестно сколько еще. До той поры, пока бумага не пропитается грязью настолько, что лопнет в чьих-нибудь руках, и станет ничем.

На верхней полке шумела молодежь.

– Извините, можно вас спросить? – обратилась юная купюра к «тысячерублевке». – Жизнь ведь это бесценный подарок?

Банкнота задумалась и ответила:

– Цена этого подарка определена вашим номиналом.

– Что же такое тогда жизнь?

– То, что дает нам возможность понять, что мы могли бы обойтись без нее.

Путаный ответ поставил молодежь в тупик и купюре больше не докучали вопросами. Она лежала и думала, что каким бы не был следующий круг, она примет его смиренно, как неизбежность, обретенную клеймом рождения.

Юрист

– Юрка!

– Ну.

– Подойдика сюда.

– Чего там?

– Давай скорее, прозеваешь.

Юра поставил ведро с водой у крыльца и нехотя побрел к сараю.

– Чего?

– Гляди, мать показала на корову Нюрку, равнодушно жующую сено.

– И что? не понял сын.

– На вымя глянь.

Под коровой, прильнув к соску, копошился петух Егор. Суетливо перебирая лапками, он орудовал ненастным клювом под переполненным выменем. Корова не выражала протеста, словно и вовсе не обращала внимания на поползновения нахального петуха. Продолжая мерно пережевывать пищу, она безразлично смотрела в сторону.

– Надо же какой паразит, улыбнулась мать. Не впервой видно, уже, пристроился. Эй, Егорка, ану кыш.

– Мам, я там воды принес. Пойду в библиотеку сбегаю, ладно?

– Иди, иди, давай, готовься к институту.

Мать ласково потерела косматую голову сына.

– Да ладно, мам.

Библиотека находилась на окраине деревни и представляла собой одноэтажный бревенчатый сруб. Внешне она не отличалась от обыкновенной деревенской избы, если бы не табличка, красноречиво говорящая о назначении дома. Высокие тополя закрывали библиотеку от солнца широкими зелеными лапами. Юра любил предаваться чтению в прохладной тени храма знаний. Но вот уже несколько месяцев приходилось читать учебную литературу, не вполне отвечающую его интересам. Необходимость штудировать нужные книги подслащалась мыслью о том, что это поможет на вступительных экзаменах в юридический институт.

Да, Юра решил стать юристом. Несмотря на то, что город находился за триста километров от его деревни и многие сверстники даже не мечтали покорить его суетные просторы. Город с его бешеным ритмом, насыщенностью действием, множеством улиц, улочек и переулков,

с его магазинами, ресторанами, парками и бог знает, с чем еще, всего и не перечислишь, покорило воображение подростка, впервые приехавшего туда с матерью за покупками. Он поразился тогда, какой разной может быть жизнь. Не просто разной, а абсолютно иной, словно вывернутой наизнанку. Контраст блеклого, размеренного сельского быта и ярких, даже стремительных, городских красок произвел на мальчика впечатление, какое может произвести на озерного карася открытое море. Юра влюбился в город и с той поры мечтал о нем каждый день. Иногда ночами ему снились городская площадь с фонтанами и цветами, стаи голубей, кружащиеся над головой, большие красивые дома, зеркальные витрины магазинов, потоки машин, – все то, чего так недоставало в родной деревне и к чему тянулось все существо. Он не сомневался, что поедет учиться в город, вопрос был лишь в выборе специальности. К девятому классу Юра, наконец, определился, кем хочет стать, и начал потихоньку готовить почву для удачной и приятной перемены в жизни.

Библиотекарь Алевтина Никаноровна встретила Юру привычным скучающим зевком. Вверенное ей учреждение не входило в число наиболее посещаемых. Обычно целые дни Алевтина Никаноровна проводила в полном одиночестве, разве что Юра баловал ее визитами, да иногда заходила поболтать старая подруга.

– Здравствуйте, Алевтина Никаноровна.

– И ты будь здоров, Юрочка. Заходи, порадуешь старушку, а то сижу одна, как в пещёре.

– Алевтина Никаноровна, мне бы по математике контрольные задачи.

– Сейчас, сейчас посмотрим. Погоди минутку.

Женщина с неподдельной заинтересованностью принялась искать указанную литературу, обрадовавшись возможности заняться своими прямыми обязанностями. Юра терпеливо ждал, пока библиотекарь просматривала книжные полки. Алевтина Никаноровна разочарованно развела руками:

– Нет, Юрочка. Может быть, что-нибудь другое посмотреть?

– А что другое? заинтересовался он.

– Так, ну вот учебник по математике за пятый... Так, так, так... За десятый класс.

Юра разочарованно вздохнул:

– У меня есть.

– Ну что ты будешь делать, Алевтина Никаноровна расстроилась вместе с мальчиком.

– До свидания, Алевтина Никаноровна, пойду я.

– Заходи, Юрочка. Ах ты, жалко как. Очень нужны были задачки?

– Не особенно, Юра натянуто улыбнулся.

Алевтина Никаноровна проводила его долгим тоскующим взглядом, каким провожают с пристани надолго уходящий корабль, вздохнула и заняла привычное место за столом.

Последний весенний месяц близился к концу. Сочными красками шумела природа. Голубое небесное полотно коегде белело пятнышками полупрозрачных облаков. Пели птицы, и ветер приносил в деревню аромат цветущих полей. Откудато доносилось коровье мычание вперемешку с гусиным гоготом. Юра возвращался домой и думал о том, что немного осталось дышать простым и здоровым деревенским воздухом. «На что он собрался променять это широкое небо? Может быть, город – это мираж, зовущий утолить несуществующую жажду?» Он задумался. «Нет, не мираж, там жизнь, которая нужна ему. Жизнь, способная насытить существование необходимыми его характеру событиями. Все правильно. Не надо сомневаться, только потому, что сегодняшний день слегка опьянил своей незамысловатой красотой. Подлинная красота должна быть изящной и немного загадочной. Именно там все будет так, как нужно. Именно там я заполню пустые комнаты незнакомых чувств», – размышлял он.

– Вернулся, сынок? Чтото ты с пустыми руками.

– Хотел задачи по математике взять, но в нашей убогой библиотеке не найдешь и такой мелочи.

– Не богохульствуй, Юра.

– А почему нет? Давно бы распорядился филиал Александрийской библиотеки у нас открыть. Я бы тогда каждый день в церковь ходил из благодарности. Да что это я, нашу деревню, наверное, оттуда и не видно.

– Что ты, что ты, сынок. Не гневи Бога, он все видит.

– Прости, мама. О, а помнишь ты вчера обещала мои любимые оладьи поджарить? Забыла небось?

– Будут тебе оладьи. Тесто уж завела.

Время идет и отнимает у нас сначала юность, затем молодость, потом зрелость и, наконец, приводит к старости. В особенности беспощадно время к женщинам. Тогда как для большинства мужчин набранные годы говорят лишь об увеличении жизненного «градуса», для женщин это имеет прямо противоположное значение. Ежедневное бремя житейских забот ускоряет процесс тем быстрее, чем меньше помощи приходит с мужской стороны. Что же говорить об одиноких женщинах с детьми?

Мать Юры была как раз такой женщиной, оставшейся с пятилетним сыном на руках, когда муж исчез при странных обстоятельствах. Странность заключалась в том, что определенно не было известно, жив он или нет. Однажды осенним утром он ушел за хлебом в сельский магазин, но так и не вернулся. Последней в то недоброе утро его видела продавец этого самого магазина. Она рассказала, что отец пришел в хорошем настроении, взял буханку белого хлеба и чекушку горькой. Дальнейшую судьбу главы семейства заволочло туманом слухов и домыслов. Одни говорили, что он отправился с кемто на рыбалку, другие утверждали, что видели его уезжающим на грузовой машине в неизвестном направлении. Так или иначе, милицейские поиски ни к чему не привели, и официальная версия о пропаже без вести была прописана в надлежащих документах.

Поначалу мать ждала, надеялась, что вотвот откроется дверь, отец войдет в дом, обнимет жену и сына и объяснит свою внезапную пропажу. Потом она молила Бога, чтобы муж вернулся без всяких объяснений. Она, мол, сделает вид, что он вообще не уходил, и все забудется. Но муж не возвращался, и через два года женщина перестала вздрагивать всякий раз, услышав скрип калитки во дворе. Всю свою любовь и заботу мать отдавала сыну, оставив для мужа уголок в душе, где жила неумирающая надежда.

Юра в свои шестнадцать лет был уже далеко не ребенком и отлично понимал, как тяжело приходилось и приходится матери. Он считал, что она достойна более счастливой доли, и эта мысль не покидала его с детства. Кто знает, возможно, именно огромное желание отблагодарить мать, создав ей более комфортные условия для жизни, и оказало наибольшее влияние на целеустремленность мальчика, всей душой желающего добиться успеха.

Прошли школьные выпускные экзамены. Юра готовился к отъезду в город. В последние дни он натаскал полные бочки воды, вычистил сарай, подкрасил коегде дом. Одним словом, постарался избавить мать от лишней работы.

В ночь перед дорогой они вдвоем долго просидели за столом в разговорах. Изза печки трещал старый сверчок, в доме приятно пахло хлебом, испеченным накануне днем.

– И ты, сынок, уходишь. Неизвестно, когда свидимся.

– Почему неизвестно? Сдам экзамены, дождусь результата и домой. На учебу только осенью. Не переживай, мама.

– Нужен тебе институт этот? А то остался бы, в деревне нашел работу.

– Мам, не надо. Ты же знаешь, я давно собирался. Не для меня деревня, да и тебе тяжело уже. Сколько ты еще сможешь с хозяйством справляться? А в городе все условия... И подготовить их время потребуется, понимаешь? Я для этого и еду.

– Ой, не знаю я. Всю жизнь в деревне. Не шибко хочется уезжать.

– И не надо. Я тебе здесь отстрою хоромы со всеми удобствами.

– Ой ли, замахнулся, сынок. Не торопись, в институт не просто поступить. А там, пока выучишься, сколько воды утечет, может, я и не доживу.

Юра нежно погладил руку матери.

– Нам еще жить да жить. Найду хорошую девушку, женюсь. Внуками тебя порадую.

– Больно далеко глядишь.

– А как же иначе? Думаю о будущем.

– Предчувствие у меня нехорошее. Прямо не знаю. Кажется мне, не твоя это дорога, сынок.

– А чья же, мама? Пойду спать, завтра вставать рано.

Юра обнял мать за плечи, она вздохнула и смахнула накатившие слезы.

– Спокойной ночи, мама.

– И тебе, сынок.

Утром они коротко попрощались. Юра поцеловал мать, пообещал скоро вернуться, и поспешил на автобус, уходящий в новую жизнь. Петух Егор стоял неподалеку и как будто пристально наблюдал за удаляющимся хозяином, словно осознавая происходящее. Мать перекрестила сына и долго еще вглядывалась в опустевшую улицу, будто надеялась, что он передумает и вернется.

Дорога заняла около шести часов, и уже к обеду Юра радостно вдохнул воздуха, насыщенного оксидом углерода. Жить, пока сдаст экзамены, он собирался у тетки. Мать давно предупредила младшую сестру о приезде племянника, чтобы Юра не оказался неожиданным гостем.

В запасе у вчерашнего деревенского школьника оставался целый день, который он решил потратить на прогулку по городу. Последний раз Юра был здесь несколько лет назад и теперь испытывал чувство, похожее на давние воспоминания из детства. Ему казалось, что родился он не в деревне, а здесь, на одной из широких, красивых улиц, но по какойто непонятной причине покинул родину, назначив свидание на сегодняшний день. И оно состоялось. Это был не сон, он действительно шагал по брусчатой мостовой, улыбаясь прохожим, как самым близким людям. Мороженое, съеденное за несколько часов прогулки, нисколько не охладило его внутреннее, кипящее возбуждение от долгожданной встречи. Он обошел почти всю центральную часть города, задержался на набережной и под вечер, слегка уставший, вернулся домой.

В открытые настежь окна глядело жгучее июльское солнце. Несмотря на утренний час, в коридорах института было жарко. Абитуриенты стояли небольшими группами и, обмахиваясь тетрадами, обсуждали прошедший экзамен:

– Вот и отмучились, Настя. Теперь остается ждать.

– Не люблю я догонять и ждать. Жуть как ненавижу. Две «нервомоталки», одна другой хуже.

– Ясное дело. Кто их любит, а куда не денешься.

– Денис, давай денемся, а? Сходим куданибудь. У меня на эти стены аллергия.

– Ты еще даже не учишься, а уже аллергия. А если поступишь, что делать будешь? Не напасешься денег на лекарства.

– Типун тебе на язык. Ну, правда, что мы здесь стоим? Пойдем уже.

– Сейчас пойдем. Парень этот выйдет, которому я шпору отправлял. Хочу узнать, помогла она ему, или нет.

– Это который у окна сидел, вертелся?

– Не всем, Миша, легко даются точные науки. Надо помогать людям, по возможности. Бросай добро в воду...

– Добром тебе вернется. Знаю, слышал. А еще я слышал: «Кто людям помогает, тот тратит время зря...» Всем не поможешь, Деня, сам прорвался и ладно.

– Я и не собираюсь всем. Так, миллионам ста пятидесяти, не больше.

Ребята рассмеялись.

Из аудитории вышел Юра. Хмурый и задумчивый, он неторопливо побрел по коридору, не обращая ни на кого внимания. Денис окликнул его:

– Ну ты как, шпору поймал?

– Нет. Преподаватель увидела.

– Хоть чтонибудь сделал?

– Нормально. Своими силами справился. На «четверку», думаю, навычислил.

– Так это мне у тебя помощи надо было просить?

– Нет, на самом деле я не знаю. Просто хочется верить. В «пятерку» – слишком самонадеянно, «тройка» для меня не выход. Вот и остается, – «четверка».

– Понятно. Ничего, поступим, не переживай. Тебя как зовут?

– «Поехали!»

– Не понял. Прозвище, что ли?

– Нет, не прозвище. Помнишь, весна шестьдесят первого?

– Ну и что?

– Апрель.

– Чувствую подвох, а не пойму в чем дело...

– А я поняла. Тебя Юрой зовут, правда?

– Точно. Догадливая ты.

– А вы как думали.

Денис и Миша переглянулись.

– Может быть, объясните нам, недорослям?

– Можно я, пожалуйста. Так, ребята, какое великое событие произошло в нашей стране в апреле тысяча девятьсот шестьдесят первого года?

– Я понял... улыбнулся Денис.

– Подожди, не говори, и я хочу догадаться, сказал Миша.

– Миша, ну что ты так долго? торопила его Настя.

– Ясно, Гагарин в космос полетел, Юрий. А при чем здесь поех... Все, дошло. Тонко, тонко.

Денис протянул Юре руку:

– Денис, можно Ден.

– А как имя сообразительной леди?

– Анастасия.

– Красиво.

– Ты местный? поинтересовался Денис.

– Нет, из Митяево. Поселок, типа городского.

– Это где такое? спросил Миша.

– Три сотни километров на юг.

– Ого. Далеко тебя занесло.

– А вы здешние?

– Мы с Мишкой местные, Настя из Калимичей, это недалеко за городом.

– В общем так, коллеги, будущие юристы, вмешалась Настя. Результаты будут известны только завтра. Дело к вечеру, ночевать мы здесь не собираемся, а по сему предлагаю дружной компанией развлечься после трудной экзаменационной недели. Что там будет завтра, неизвестно, но сегодняшняя ночь точно наша.

– Присоединяюсь, согласился Денис.

– Вперед на алкогольные амбразуры баров, товарищи! Дашь пятилетний план за одну ночь! продекламировал Миша.

– Помоему рано праздновать, ребята, заметил Юра.

– Мы и не думали. Разомнемся слегка и по домам.

– Пойдем с нами, Юра. Завтра будет завтра.

– Нет, извините, ребята. Тетке обещал вечером помочь. Я ведь у нее здесь пока живу. Завтра увидимся.

– Жаль, вчетвером веселее было бы, с явным сожалением сказала Настя.

Простившись со своими новыми знакомыми, Юра не захотел ехать в душном общественном транспорте, а решил пройти до дома пешком. Ему предстояло преодолеть не меньше пяти километров по оживленным городским улицам.

Торопиться было некуда, сегодня он сдал последний вступительный экзамен, и оставалось дождаться результата. Завтра должна была окончательно проявиться его жизнь, по крайней мере, на ближайший год. Уверенность в собственных силах настраивала на успешный исход, но Юра не спешил целиком отдаваться обманчивому чувству, оставляя немного места сомнениям и переживаниям.

Загорелся зеленый сигнал светофора, люди хлынули навстречу друг другу с противоположных сторон улицы, чтобы смешаться где-то посередине в сплошной поток параллельных течений. Увлеченный своими мыслями, Юра переходил дорогу, не акцентируя внимания на окружающих. И вдруг что-то знакомое промелькнуло рядом, вырвав на поверхность из глубины размышлений. Юра не то чтобы узнал, а, правильнее сказать, почувствовал и, остановившись, обернулся, стараясь разглядеть, сам не зная кого. Водители нетерпеливо сигналили задержавшемуся на проезжей части парню, а тот все стоял, всматриваясь вдаль. Внезапно возникло противоречивое и непонятное ощущение необретенной утраты, как будто тело прошагало мимо собственной головы, так с ней и не воссоединившись.

Странное обстоятельство недолго занимало юношу, вскоре вернувшегося к перемалыванию дум о завтрашнем дне. Дома он не находил себе места. После того как помог тетке убрать квартиру и тем самым на короткое время избавился от неприятного самочувствия, Юра вновь попал в капкан волнений. Пробовал читать, смотреть телевизор, но мысли неизменно уводили в завтра, не давая возможности сосредоточиться на чем-нибудь другом. Он долго не мог уснуть и уже жалел, что не пошел гулять с ребятами. В окружении людей было бы легче отвлечься.

Всю ночь мысли навязчивыми стайками кружили в голове, не позволяя забыться сном и отдохнуть. Только под утро, уставший и не способный думать вообще, Юра наконец уснул, но уже через три часа его разбудила тетка, напомнив, что пора вставать.

В институт он пришел одним из первых. Аудитория, в которой планировалось собрать абитуриентов для оглашения результатов сдачи экзаменов, была еще закрыта. Юра устроился у окна, облокотившись на подоконник. Вскоре появились ребята, с которыми он познакомился накануне. Сначала Настя с Денисом, а после и Миша.

– Как отдохнули вчера? поинтересовался Юра.

– Зря ты с нами не пошел. Мишка в баре такое устроил... ответила Настя.

– Ой, ладно, Настя, подумаешь, немного переоценил свои силы.

– Немного?

– Ну хорошо, намного. С кем не бывает.

– Мишка всех алкоголиков тамошних шокировал. Они, бедные, протрезвели от зависти.

– Подумаешь, я еще не в форме был. К тому же закуски мало было.

– Плохому танцору... не унималась Настя.

– Сжался над ним, Настя, видишь, человек чуть живой.

– Да я живее всех живых. Говори, говори, Настя, в следующий раз мы посмотрим, кто кого...

– Как страшно, я вся дрожу.

– Ребята, смотрите, что за окном творится. Дождь ливанет скоро, и судя по всему не слабый. А мы все без зонтов.

– Почему все? спросил Юра, приоткрыв пакет.

– О, да ты провидец.

– Ничего подобного. Вечером прогноз передавали.

– Да, нам вчера было не до прогноза.

Беседу ребят прервала популярная эстрадная мелодия, доносившаяся, повидимому, из актового зала: «...Боже, храни души студентов, не осуждай их молодые забавы, убереги от несчастливых билетов...»

– Это еще что за народное творчество? удивился Михаил.

– Поют...

– Seriously, что ли?

– Концерт для поступающих репетируют, объяснила Настя.

– Ты откуда знаешь?

– Об этом все знают.

– Я не в курсе, сказал Юра.

– И я впервые слышу, поддержал Денис.

– Парни, ну вы темнее ночи. Вы вообще знаете, куда попали? Местный ректор, говорят, просто массовикзатейник. Такие концерты устраивает... Караул. Между прочим, афиша у входа висит.

Миша на это только вздохнул:

– Попали мы, ребята. У нас в школе директор географию страшно любил... Я до сих пор столицы государств, как таблицу умножения, помню.

– При чем здесь география? Это же искусство.

– Как бы нам от этого искусства пятнами к выпуску не пойти.

– Ты поступи сначала.

– Теперь уж и не знаю...

Полная женщина из приемной комиссии пригласила абитуриентов пройти в аудиторию.

– Началось. Ни пуха всем!

– К черту!

– К черту!

– С Богом! выдохнул Юра.

Поступающие расселись за парты, затаив дыхание в ожидании приговора приемной комиссии. Бывшие школьники стояли сейчас у одного из первых жизненных перекрестков. И никто пока не знал, куда повернет дорога. Но все надеялись и ждали удачи, спрятавшейся, быть может, где-то неподалеку и выбирающей себе любимчиков.

После небольшого общего вступления начали называть фамилии поступивших. Юра ждал, вслушиваясь в объявляющий голос и сжав от напряжения кулаки. Еще, еще, вот сейчас, наверное, нет...

Его фамилия так и не прозвучала. Сколько стремлений, надежд, ожиданий прошло, чтобы в одно мгновение оборваться в немом бессилии. Юре казалось, что он сорвался в пропасть, неожиданно возникшую на пути. Умом он понимал и, возможно, даже принял случившееся, но только умом. Внутри редела буря. Как несправедливо! Он же старался, шел к этому столько лет. Зачем учился в школе? Зачем засиживался в библиотеке? Все напрасно, бесполезно! Что ему теперь делать?! Возвращаться в деревню и гнить там на колхозных грядках?!

Юра не заметил, как к нему подошла Настя:

– Не переживай, что-нибудь придумаем.

– Может, на другой факультет попробуешь? спросил Денис.

– Нет, другой мне не нужен. Видно, не судьба. Поеду домой, поработаю. В следующем году обязательно поступлю.

– Конечно, поступишь. Мы поможем, правда, Мишка?

– Само собой. Не бери в голову. Подумаешь, год. У меня вон отец только четыре раза сдавал.

– Но поступил же?

– Нет. В технарь пошел.

Настя строго взглянула на Михаила:

– Дурак ты, Мишка. Юра не слушай его, в следующем году ты обязательно поступишь.

– Что вы, ей, богу. Нормально все, умирать я не собираюсь.

– Так держать.

– Мальчики, извините, я скоро. Не уходите никуда.

– Ничего страшного. Я к вам позже присоединюсь, пообещал Юра.

– Молодец! Наш человек. Мы с Мишкой тебя встретим с почетом!

– Связями обростем. Протащим тебя в любом случае.

– Не сомневаюсь. Ладно, пойду я. Насте привет.

– Куда это? Не хочешь поздравить товарищей с поступлением?

– Поздравляю.

– А трубку мира выкурить на прощание?

Извлеченная наполовину из кармана папироса не оставила сомнений о ее содержании.

Давно, в первом классе, Юра пришел домой с разорванной штаниной. Матери сказал, что на него напала собака, хотя на самом деле он порвал штаны, зацепившись за ограду, когда убегал с чужого двора. Они с мальчишками полезли за сливами, а тут выскочил хозяин. Ребята бросились врассыпную. Юре повезло меньше всех, потому что он не только порвал штанину, но и расцарапал ногу до крови. Он помнил, как мать жалела его и как было стыдно в ту минуту. «Какая глупость, боже, какая глупость...» произнес он вслух.

– Не понял? удивился Миша.

– Не обращай внимания. Нормально. Конечно, покурим.

Парни отправились на улицу в поисках подходящего укромного места. Нашли скрытый от глаз уголок в глубине заднего двора, за гаражами.

– Вроде бы место неплохое. Доставай, Мишка.

Миша достал папиросу, по всем правилам оросил ее слюной, приготавливая к употреблению.

– Вот черт, будто о чемто вспоминая, сказал Юра. Ребята, я зонт забыл. Вернусь, заберу, пока ктонибудь не прикарманил.

– Если уже не утащили, заключил Миша.

– Я быстро.

Пакет с зонтом терпеливо дожидался хозяина. Юра принял решение уже тогда, когда оставил якобы забытую вещь. Почему? Не спрашивайте. Ему было нужнее. И поэтому ноги сами несли по коридору... Но тут он увидел Настю.

– А где Денис с Мишкой? спросила она.

– На улице посмотри. Они во двор вышли.

– А ты что здесь делаешь?

– Зонт забыл. Ладно, пока.

– Подожди. Может, погуляем сегодня.

– А как же Денис?

– А что Денис, папа мне что ли?

– Мне казалось, вы вместе.

– Не больше, чем просто хорошие знакомые.

– Ааа. Извини, не могу сегодня.

– Когда уезжаешь?

– Не знаю, завтра, наверное...

– Ну, тогда счастливого пути.

– Пока.

Настя уходила не спеша, как будто ожидала, что Юра скажет: «Постой...» Однако он не произнес ни слова, а просто стоял и пустым взглядом смотрел прямо перед собой. Старался не думать, не оценивать свои действия.

Настя скрылась за поворотом, обернувшись на мгновение. В ту секунду она увидела Юру таким незащищенным и растерянным, и ей показалось, что это не тот человек, с которым она познакомилась несколько дней назад. Но тут же она подумала о том, что выдает желаемое за действительное. Когда женщине хочется, чтобы мужчина оказался доступным, она порой мысленно ищет пути достижения цели. И какой хороший вариант представить мужчину слабым или пуше – жалким. Теплое женское крыло тут же прикроет зябнущего птенца.

Оказавшись на улице, Настя осмотрелась вокруг в надежде заметить Дениса с Мишей. Ребят не было видно. Настя раскрыла сумочку, достала сигарету и закурила. Юра не выходил из головы. И сложившиеся обстоятельства, совершенно четко говорящие о невозможности возникновения каких-либо отношений, по причине отъезда Юры, выглядели в глазах Насти злой насмешкой. Любовь с первого взгляда или что-то иное... Тянуло к нему и все. Стоя на крыльце с сигаретой в слегка трясущихся пальцах, она не представляла, что делать.

Неожиданное зрелище отвлекло Настю от размышлений. Денис и Миша в сопровождении университетских охранников проходили мимо.

– Денис, что случилось? недоуменно спросила Настя.

– Отучились парнишки, девушка, баста, ответил за него охранник.

Ребята с бледными лицами, не сказав ни слова, скрылись за входными дверями. Было очевидно произошло что-то серьезное. Но что могло случиться? Настя отправилась за ними.

Юра тем временем входил прямо в кабинет ректора, воспользовавшись удачным отсутствием секретарши.

– Здравствуйте, разрешите?

– Молодой человек, приемные дни указаны у входа.

– Пожалуйста, выслушайте меня.

– Хорошо, у вас пять минут.

– Понимаете, у меня личное... Я издали приехал. Всегда мечтал в вашем университете учиться...

– Молодой человек, давайте ближе к делу.

– Я готовился целый год... А на вступительных экзаменах всего лишь одного балла не хватило, чтобы на бюджет поступить. Платно учиться у меня нет возможности, мы с матерью вдвоем живем...

– Ах, вот оно что. Чем же я вам могу помочь? Бюджетные места распределены. Приезжайте на следующий год, подготовьтесь...

– Вы знаете, я музыку люблю, играю неплохо. В районе всегда первые места занимал...

– Так.

– Мог бы выступить за институт...

– Это все, конечно, здорово. Музыка – это прекрасно, и вы, может быть, на самом деле одаренный человек. Вполне возможно. Но экзамены есть экзамены, и даже я, при всем желании, не в силах организовать еще одно бюджетное место специально для вас. Надеюсь, вы это понимаете?

– Да, конечно.

– Поэтому здесь, извините, никак. Единственное, если вы действительно кое-что умеете, можете выступить на предстоящем концерте. Я не возражаю. К Галине Ильиничне подойдите, она вас посмотрит. Если повезет, займете призовое место, будет хоть какая-то компенсация вашей неудаче. Призы у нас денежные.

– Спасибо.

– Не за что. Желаю удачи.

– До свидания.

– Всего хорошего.

В кабинете ректора раздался телефонный звонок. Владимир Аркадьевич снял трубку:

– Да... Здравствуйте Семен, Семенович. Что? Коноплю? Первокурсники? Двое? А где они сейчас? Полиция занимается. А нельзя было... Понимаю, не имеете права. Ну что же, ясно. Да, да. Хорошо зайду. До свидания.

Владимир Аркадьевич озабоченно потер подбородок и нервно забарабанил пальцами по столу.

– Черт бы побрал эту современную молодежь, раздраженно выговорил он.

Как вы думаете, насколько большую роль играет в нашей жизни везение? Для одних это постоянный спутник, к которому они привыкли, как к утреннему кофе. Кончился кофе? Нет, не может быть. Обязательно где-нибудь да найдется несколько грамм бодрящего напитка. И действительно так и происходит. Но привычка к удаче умаляет ее ценность. И тем острее и приятнее вкус, чем реже употребление, дабы не разучиться понастоящему наслаждаться.

После известных печальных событий Дениса и Михаила, конечно, отчислили. В их биографиях навсегда осталось темное пятно, у самого основания треснула кладка. Не повезло.

Юре же, напротив, подмигнула удача. Он небезрезультатно выступил на институтском творческом вечере. Ректор обратил внимание на талантливого молодого человека и к тому же высказал предположение, что Юра выбрал не ту специальность. Это было сказано как будто

в шутку, и одновременно поступило предложение пересдать экзамен по математике в связи с освободившимся вакантным местом. «Чем черт не шутит возможно, вам повезет», – сказал ректор. Глупо было отказываться от такого шанса, и ему... Повезло. Дверь, за которой простиралась дорога к мечте, пусть и с некоторым скрипом, но все же отворилась.

Время, остававшееся до сентября, Юра решил провести в городе. Да, он собирался поехать в деревню. Но что ему там делать? Сердце и мысли все равно останутся здесь. Поэтому, поразмыслив, он поговорил с теткой и написал письмо матери, в котором сообщил, что приедет зимой после первой сессии.

Чехардой поскакали летние дни. Юре удалось устроиться на работу разносчиком газет. Платили немного, но и потребности деревенского парня были невелики. Тем более тетка не давала умереть с голоду.

Днем он работал, а вечерами мерил шагами городские улицы, размышляя и строя планы на будущее. Однажды, переходя через дорогу, Юра вспомнил, как остановился здесь, всматриваясь непонятно куда в поисках неизвестно кого. И смешанные чувства новым тревожным приливом захлестнули сердце. Гадать было бессмысленно и ни к чему. Не распутать сейчас этот странный, необъяснимый клубок впечатлений. «И незачем тогда думать на пустом месте», – заключил он.

Осень вошла мягко, в рыжей юбке, привлекая внимание к стройным загорелым ножкам. Она была похожа на учительницу биологии, которая преподавала Юре в школе. Яркая, молодая и такая желанная...

Мало кто в классе не мечтал о ней. Эх, пестики, тычинки.

Новоиспеченного студента поселили в общежитии, куда он и отправился в первую очередь. Кирпичное пятиэтажное здание, скрывшееся за высокими тополями, располагалось в уютном месте на приличном расстоянии от шумной проезжей части. Ничего примечательного в нем не было, за исключением изящной трещины с торца здания. Извиваясь среди окон, она уходила на крышу.

На вахте Юра предъявил студенческий билет и пошел осматривать свое новое жилье. В комнате, у кровати, стояла большая спортивная сумка, в которой, шелестя пакетами, рылся светловолосый паренек. Юра кашлянул, привлекая внимание.

– О, сосед? Здорово, Петя.

Юра протянул руку:

– Юра.

– Поздравляю с поступлением!

– Тебя также.

– Готов для пятилетнего забега по стране знаний?

Юра вскинул попионерски правую руку:

– Всегда готов.

– Чтото нос чешется...

– Ну, так святое дело. Увековечим старт для истории?

– Своей звякну, попрошу, чтоб подружку взяла. Посидим вчетвером...

Подготовка к вечернему минибанкету не отняла много времени. Стол был скромным, далеким от кремлевских застолий, но и за эти немногочисленные яства парням нужно отдать должное. Итак, все было готово, и ребята, плотоядно поглядывая на расставленные блюда, молча сглатывали слюну. Напряжение нарастало, необходимо было переключить мысли в иное русло.

– Юра, ты когданибудь задумывался, сколько времени мы проводим, ожидая женщин?

– Да както не приходилось.

– Это же смерти подобно. И каждая считает долгом опоздать.

– Не принято в женском кругу вовремя приходить. Не солидно. Заставить подождать – это обязательно. Иначе, они считают, слишком просто. Мужчина, мол, должен терпеливо добиваться...

– А если уже добился?

– Понимаешь, мы по натуре охотники, а женщина – дичь. Тебе когда дичь интереснее, когда она еще в лесу и ты ее ищешь в азарте? Или когда ее вкусом пресытился?

– Расписалто как! А как же чувства?

– Потвоему, откуда эти самые чувства берутся? Умная женщина всегда находит способ заставить мужчину почувствовать, что охота все еще продолжается. И, между прочим, правильно делает. Для нас же старается и, конечно, для себя. Если она становится такой же доступной, как утренний завтрак, интерес к ней теряется, превращаясь в привычку.

– Может, ты в чемто и прав, но у меня с Ленкой все иначе.

– Знаешь, у меня случай в жизни один был. Познакомился с девушкой, договорились о встрече. Я пришел в назначенное место, в указанный час, жду. Ее нет и нет. Десять минут – нет. Пятнадцать минут – нет. Мне это надоело, и я решил уйти. Пошел в парк, неподалеку. Иду и смотрю, на лавке она сидит. Я подошел, и спрашиваю: «Почему не пришла?» Смотрю, растерялась немного, а потом и говорит: «Тебя только на пятнадцать минут хватило?» Эта ее фраза открыла мне глаза. Я рассмеялся от души...

– А дальше что было?

– Что дальше?

– Встречались с ней?

– Не помню я. Да не это главное, а то, что она специально за углом время выжидала, понимаешь? Я тогда еще подумал, что неплохо было бы памятник ожидающим встречи установить. С одной стороны, мужчина, нетерпеливо поглядывающий на часы, вот уже готовый уйти, а чуть дальше женщина, тоже поглядывающая на часы, но только вот уже готовящаяся прийти. А посередине поставить большущий знак вопроса. В смысле состоится свидание или нет.

Философскую беседу прервал негромкий стук в дверь.

– Привет, мальчишки, заждались? О, да у вас уже все готово. А мы думали помочь, торопились...

– Почти успели. Лена, познакомься, это Юра, мой сосед и соратник на ближайшие пять лет.

Рядом с Леной стояла Настя. Настя, с которой Юра познакомился, еще будучи абитуриентом, и с тех пор они не встречались. Настя поздоровалась без улыбки, немного растерявшись от неожиданной встречи.

– Вы уже знакомы? И давно?

– Не очень, ответил Юра.

Неловкое замешательство прервала Лена:

– Первый тост предлагаю поднять за вчерашних школьников, пополнивших сегодня армию российских студентов! Ура, товарищи!

– Ура! поддержали все дружным хором.

– Юра, вы мне кого-то напоминаете... – обратилась к нему Лена.

– Интересно, кого же?

– Все, вспомнила. Это вы на концерте пели. Точно. Мне очень понравилось. Голос у вас хороший.

– Я и не узнал. Так ты у нас, оказывается, знаменитость.

– Ничего особенного, спел просто...

Настя, молчавшая до сей поры, включилась в разговор:

– Не скромничай, Юра, отлично выступил. Все были в восторге.

– Как сейчас помню, сижу, слушаю твою «лиру», а чувства добрые так и пробуждаются, так и пробуждаются... мечтательно произнес Петя.

– Вообще, концерт неплохой был.

Настя пристально посмотрела на Юру:

– Еще бы. В нашем университете, говорят, артистам везде дорога. Правда, Юра? В ее голосе была слышна легкая ирония.

– Я бы даже сказал, мраморная лестница, покрытая коврами. Артисты по ней так и прут, так и прут косяками к олимпу знаний, а преподаватели, в изящном поклоне, устилают им путь цветами снисхождений...

– Было бы здорово, улыбнулся Юра.

– Халявщик, возмутился Петя.

– А ты что, завидуешь?

– Я?! Завидую?! Ну, если только самую малость. Белой завистью, со слегка темноватым оттенком. Но что толку? Придется вгрызаться в скалу знаний, не жалея зубов. Судьба!

– Петя, помоему, по тебе сцена скучает.

– О, нет. Увольте. Для этого я слишком ленив. Впрочем, как и все великие...

Лена покачала головой в ответ на самоуверенное высказывание Пети:

– От скромности не умрешь.

– В такой вечер и о смерти. Как ты можешь, Елена моя прекрасная? И вообще, зачем нужна эта самая скромность, если от нее умирают? Давайте помянем убиенную скромность мою, а значит, за жизнь!

– Эх, ребята, хорошо как! Вдумайтесь только. Сейчас мы у порога, столько еще всего впереди...

– Ну, заяц, погоди! вставил не понимающий Петя. – Так, я уже дошел до нужной кондиции. Не пора ли нам в номера?

– Я тебе сейчас дам, номера.

– Прямо сейчас? Лена, здесь же люди.

– Собирайся – давай. Пойдем. Я матери обещала к десяти быть.

– А как же наши друзья?

– Без тебя им точно скучно не будет.

– Сомневаюсь.

– Я не поняла? Ты остаешься?

– Ох, ох, ох, и пошутить нельзя. Уже иду.

– Мне тоже пора, – Настя поднялась изза стола.

– Настя, может, сможешь посуду убрать? Я тебя потом провожу, предложил Юра.

Юра и Настя, словно по команде, молча принялись собирать опустевшие тарелки. На столе оставалось немного еды, хранить которую изза отсутствия в комнате холодильника было негде, а выбрасывать не поднималась рука. Юра заметил замешательство девушки:

– Настя, может, посидим еще? Не пропадать же добру.

– Хитрый какой. Нашел повод.

– Извини. Спасибо за помощь. Пойдем я тебя провожу.

– Обиделся?

– Не имею такой привычки.

– Понятно. А до следующего этажа я и сама доберусь.

– Как, ты здесь?

– А ты где думал?

– Не знаю. Ну, тогда спокойной ночи.

– Нет уж. Я голодная и хочу есть.

– Конечно, ты же почти ничего не ела.

– Заметил?

– Прошу к столу, мадемуазель, Юра отодвинул стул, приглашая Настю сесть.

– Благодарю.

– Не поймешь вас женщин. Загадка.

– А вам, мужчинам, только паренюю репу подавай в качестве дежурного блюда.

– Если честно, ты мне сразу понравилась, только тогда я думал, что ты с Денисом. И вообще...

– А сейчас не думаешь? Знаешь, а ведь у нас с Денисом действительно могло что-нибудь случиться, если бы не тот случай... Странно вышло. Я все думала, как это охранники догадались туда прийти?

– И до чего-нибудь додумалась?

– Додумалась, Юра, додумалась, только верить не хочется.

– Ты это о чем?

– Ты же с ними был, правда? Потом ушел почемуто. Так?

– За зонтом я ушел, Настя, боялся, унесут.

– Я же тебя видела, почему ты мне соврал, что не знаешь, где ребята?

– Настя, я не соврал, а просто не сказал. Зрелище не для твоих глаз было.

– Ааа. Ну конечно.

– Настя это случайность. Ты что, хотела бы, чтобы и я с ними попался?

– Нет, не хотела бы. Но просто очень складно у тебя получилось.

– Складно? То, что я с тобой сейчас здесь сижу, тоже случайность. Меня ректор, представляешь, после концерта вызвал, предложил экзамен пересдать. «Если, конечно, у вас не пропало желание учиться», – говорит. Я согласился, такой шанс. Вот так, а ты говоришь, складно.

– Не многовато ли случайностей, Юра?

– Может быть. А что такое случайность, Настя? Это и есть та самая нить, из которой сплетаются человеческие жизни. В корне – случай, а случаи – это события, которые ведут нас, создавая обстоятельства... В этом смысле ты, наверное, права. Если бы я с вами не встретился, вполне возможно, все сложилось бы по-другому.

– Да. Если бы тебя не было...

– Что ж, прости за то, что я есть!

– Получается, мы постоянно должны извиняться друг перед другом. Прости и ты меня.

– Ерунда какаято.

– Ерунда.

– Пугает, но привлекает. Банально, но актуально.

– Что это?

– Противоречия в каламбуре, как селедка в молоке.

– Бред какойто.

– Лет пять назад к нам в поселок цыгане приехали. У реки расположились. Песни до рассвета, романтика. Мы с друзьями частенько на ночь оставались с ними. Кстати, там я впервые услышал голос гитары. Именно не звук, а голос. Цыган один играл и пел так, что сердце замирало. Тогда я твердо для себя решил – научусь играть.

Знаешь, у цыган веселье в крови. А девушки у них, просто огонь. Мне одна очень понравилась. Ходил вокруг да около, смотрел на нее. И она вроде бы тоже не без интереса. Продолжались эти переглядки несколько дней. Однажды вечером я искупаться спустился, один. Из воды вылез, а она на берегу стоит, смотрит на меня, улыбается хитро. Я встал как вкопанный, рот раскрыл, а сказать ничего не могу, мысли разбежались по углам, не найдешь. Она подошла, взяла меня за руку и говорит: «Пойдем». У меня дрожь по всему телу, растерялся. «Куда»? спрашиваю. Она голову откинула назад и звонко рассмеялась. Помню, почувствовал себя таким жалким. Мокрый, как курица, кожа в мурашках, а она такая красивая, и на плечах яркий платок в цветах. «Боишься?» – спрашивает. – «Чего?» – говорю я. Наверное, выглядел я очень глупо. Она еще звонче засмеялась, руку мою выпустила и побежала прочь. Затем остановилась, повернулась ко мне и сказала: «...Красоты». Она убежала, а я стоял еще несколько минут, перебарывая, что произошло. В голове, словно застряли, ее последние слова. Знаешь, она будто заразила меня этой мыслью. После этого случая я чувствовал себя неудобно в присутствии не то что красивой, даже симпатичной девчонки. Понимал – глупо, но избавиться от неловкости не получалось. Если бы ты знала, как меня это раздражало. И даже когда тебя впервые увидел, произошло то же самое... А сейчас я не испытываю никакого неудобства. Как будто мы знакомы очень давно. И, знаешь, впервые захотелось выпить за красоту, как бы банально это ни звучало.

– После всего, что ты рассказал, это совсем не банальный тост. Ты избавился от комплекса.

– Или ты меня избавила.

Воцарилось неловкое молчание. В освещенной комнатекоробке, среди сотен подобных, малознакомые люди часто стесняются друг друга в подобных ситуациях. Необходим предлог, разряжающий сложившуюся обстановку. Его поиском и занимался Юра, пытаясь найти продолжение угасшей беседы. Но все разрешилось само собой, и наилучшим образом. В общежитии внезапно погас свет. Погрузившись во тьму, здание мгновенно преобразилось, ослепнув в ночи. Коегде слышались недовольные голоса студентов.

– Вот это номер, выговорила Настя.

– Ты где?

– Здесь.

– А я здесь.

– У тебя свечи есть?

– Нет.

– Пойду принесу.

Настя приподнялась изза стола:

– Ой, блин!

– Что с тобой?

– Ударилась коленкой.

– Погоди, я сейчас.

Юра взял со стола вилку и на ощупь добрался до Насти:

– Вот приложи. Должно помочь.

– Спасибо.

Невольно волосы девушки коснулись его лица:

– Твои волосы пахнут морем. Так хочется окунуться в него с головой.

Юра неуверенно обнял Настю за талию. Реакции не последовало. В эту ночь никто не вышел из комнаты номер триста два.

Город, в который так стремился деревенский парень, пустил его на первую ступеньку лестницы, ведущей туда, где распределяются удобные места для благополучной жизни.

Учеба не вызывала у Юры особенных затруднений. Удачно сдав первую сессию, он проводил время по большей части в обществе Насти. Обещание приехать домой окончательно растворилось в его памяти. И успокаивая себя мыслью, что это никуда не денется, Юра в очередной раз отложил поездку. Потом прошло еще полгода, затем год, но сын так и не навещил родные края, ограничиваясь письмами, в которых успокаивал мать надеждой на скорую встречу.

Подходил к концу второй курс обучения. Обилие приближающихся ответственных экзаменов обязывало амбициозного студента к серьезной подготовке. Но на всей плодородной научной ветке Юру беспокоил единственный плод, который был не по вкусу. Предстоял экзамен по математике – предмету, не входящему в число излюбленных. Учитывая несложившиеся отношения с принципиальным преподавателем, на фоне весьма общих познаний в области предмета Юре не приходилось надеяться на поблажку. Небезосновательные переживания тревожили. И чем ближе подходила экзаменационная пора, тем чаще сомнения не давали покоя. Все меньше Юра встречался с Настей и чаще бывал наедине с учебниками и конспектами.

Однажды Настя застала его за необычным занятием:

– Привет.

Юра ответил не сразу, увлеченный процессом. На подоконнике сидела черная птица и клевала из его открытой ладони хлебные крошки.

– Тише, не спугни его, сказал он.

Ворон, видимо, не вполне довольный визитом девушки, вспорхнул на ветку соседнего тополя.

– Ну вот, испугался.

– Чудеса. Знаю я, что люди голубей кормят, воробьев, снегирей там всяких, но чтобы ворона, да еще из рук...

– И не говори. Мы с Петькой тоже сначала удивлялись, а потом привыкли. Самое интересное, что у Петьки он из рук не ест.

– Интересно почему?

– Не знаю. Может быть потому, что я его первый накормил. Вообще, вороны очень умные и осторожные птицы.

– Как же такого осторожного приручил?

– Помнишь, когда поступление отмечали? Мы с тобой...

– Конечно помню. Разве такое забудешь.

– Дня два спустя сидели мы с Петькой, общались. Смотрю, за окном, на ветке, – живность пернатая. Черный, как сажа. Я Петьке показал: «Обрати внимание, нас подслушивают». Ворон не улетает, рассматривает нас, а мы его. Я подошел к окну, он встрепенулся, на дерево взлетел. Тогда я хлеба на подоконник крошил и отошел. Птица ноль внимания. Только, когда окно закрыл, он осторожно стал приближаться. Ветка тополиная как раз к подоконнику подходит. Он по ней, как по трапу, спустился, оценил яство и застучал клювом по крошкам. Частенько стал прилетать. А недавно попробовал его из рук покормить. Долго он не подходил в первый раз, присматривался. Потом все же решился. Подкрался, на меня посматривает, я жду. Сначала как бы неуверенно клюнул... Теперь привык, с подоконника не берет хлеб, ждет, когда я в руку насыплю.

– Бывает же такое.

– Настя, ты на море была когданибудь? неожиданно спросил Юра.

– Да, лет шесть назад с родителями ездили.

– Оно запуталось в твоих волосах. Этот запах... Ты забрала его частицу с собой.

– Романтик ты мой.

– Настя, поехали к морю.

– А как же учеба?

– А наплевать. Хочется бросить все и уехать... К шуму кипарисов и рокоту прибоя. А что, я бы в ресторанах выступал, ты тоже куданибудь устроилась. Жили бы на побережье. Класс.

– Сумасшедший.

– Иногда хочется побыть сумасшедшим, хотя бы минуту.

– Зачем?

– Чтобы почувствовать жизнь. Настоящие чувства бывают только без ума. Они захватывают, уносят тебя далеко, далеко...

– Юра!

– И тут ты слышишь зов из реальности: «Юра!» И все. Кстати, о реальности. Как у тебя успехи на ниве ученья?

– Нормально.

– Хорошо тебе.

– У тебя что, проблемы?

– Как всегда, проблема у меня одна, и имя у нее с ругательным корнем «мат».

– Или мать...

– Какой дурак придумал сдавать экзамен? Попади мне в руки скальпель власти, удалил бы я из нашей программы царицу наук, больно уж эта царственная особа мне шею натерла.

– Какой ты злой и кровожадный.

– Я бы подброму, под наркозом...

– Потерпи, мой хирург, самоучка. Экзамен сдадим и забудешь...

– Я уже сдавал, ты знаешь, чем это закончилось.

– Ты же потом пересдал.

– А сейчас сразу пересдам.

– Как это?

– «Студенческая весна» скоро. Буду выступать.

- Тем более. Победишь – протащат.
- Для этого место второе, хотя бы, нужно занять. А лучше первое.
- А кто будет, знаешь?
- Витька из промышленного, Боря из экономики, Стас из академии управления, Серега из политена. Двоих не считаю. И этот, Илья, кажется, из педа.
- И с кем тебе состязаться?
- С Ильей я ни разу не сталкивался, а как работает, видел. Мне ловить нечего.
- Ну и пусть, второе в любом случае твое.
- Где второе, там и третье, а где третье, там и четвертое, и так далее. Да и ректор намекал: «Мы на тебя, мол, надеемся. Не подведи». Попробуй тут не победить.
- Да и черт с ним, с Ильей. Обыграешь. Я вообще слышала, что он пьет крепко.
- А кто в нашей стране не пьет? Одни меньше, другие больше.
- Говорят, он на сцену трезвым не выходит.
- Я тоже иногда немного употребляю, ну и что?
- Ты иногда и немного, а он постоянно за кулисами бутылку держит. Для заправки.
- Силен. Но как бы там ни было, от этого не легче. Ладно, хватит о грустном. Скажи лучше, Настя, за что ты такая красивая?
- Не поняла.
- Я счастливый человек. Такая прелесть рядом. Губки свои пухленькие надует, чудо.
- Юра... Если Петя придет...
- Не придет, он у Ленки сегодня...

Фестиваль «Студенческая весна», проводимый ежегодно в юридическом университете, начался с пышного музыкальнотанцевального вступления. Каждый год на этой сцене наиболее талантливого студентаисполнителя выявляло специально приглашенное жюри. Победителя ожидали награды, признание товарищей и к тому же солидный глоток славы. Кроме того, занявший первое место, безусловно, поднимал престиж учебного заведения, которое представлял. Программу начинал представитель педагогического университета Илья Покровский. Он вышел на сцену с гитарой наперевес, встал у микрофона. В зале стало тихо. Зазвучали пер-

вые аккорды, и слегка дребезжащие слова песни посыпались на слушателей. Неожиданно Илья прерывал песню:

– Ты что лыбишься? Да ты, ты, не оглядывайся. Я для кого здесь распинаюсь? По струнам этим дурацким блацаю? Все пальцы, блин, стер.

В зале раздался недовольный ропот.

– О, да ты еще и не одна? С утра до вечера стараешься для них. Приходишь, нате вам, слушайте. И где благодарность?

Из зала раздался крик:

– Пить надо меньше!

– Эх, вы!

Илья всплакнул и поспешно покинул сцену.

Юра наблюдал происходящее изза кулис, слегка посмеиваясь.

– Что это с ним? спросила подошедшая Настя.

– Перепил парень.

– Он не в себе.

– Очухается.

– Юра, это ты сделал?

– Нет, Настя, это сделала водка.

– Посмотри мне в глаза... Это ты.

– Ну что ты заладила – ты да ты. Пошутил просто.

– Играть чужой жизнью для тебя шутка?

– К чему этот пафос? Какой жизнью? С ним ничего страшного не случится.

– Зачем?! Ах да, тебе же победа нужнее, а что будет с ним, неважно.

– Настя, ты что? Успокойся...

– Ты не понимаешь, что творишь? Юра, а если я встану у тебя на пути? Тоже пошутишь?

– Настя, не говори глупостей. Я люблю тебя.

– Нет, ты любишь только себя. Кажется, я понимаю теперь, почему ты боишься красоты. Она не нужна тебе. Ты давишь ее, как давят виноград. Только у тебя, Юра, получается уксус. Смотри не обожгись сам.

Настя развернулась и побежала прочь.

– Настя, подожди!

Неожиданно словно из стены возник Владимир Аркадьевич.

– Здравствуйте... растерянно поздоровался Юра.

– После выступления зайдешь ко мне в кабинет, коротко сказал ректор.

Выступил Юра отлично, не оставляя конкурентам шансов. Однако бурной радости не испытывал, предчувствуя тяжелый разговор в кабинете у Владимира Аркадьевича. Беседа действительно оказалась малоприятной.

Юра постучал и вошел. Хмурое лицо ректора не предвещало поздравлений.

– Я вижу ты большой оригинал.

– Не понимаю, о чем вы?

– Ты что за цирк на сцене устроил?

– Владимир Аркадьевич, я, правда, не понимаю...

– А если я тебя отчислю, поймешь?

– Владимир Аркадьевич, за что? взмолился Юра.

– Чем напоил его?

– Владимир Аркадьевич, он сам пьет – дай бог.

– Ты башкой соображаешь? Если об этом узнают? Позор для института.

– Никто не узнает. Владимир Аркадьевич, больше такого не повторится...

– Конечно, не повторится. Вылетишь пробкой, и все дела.

– Владимир Аркадьевич, у меня мать одна... Нельзя мне...

– Знаешь, ты меня не жалоби. Тоже мне благородный рыцарь нашелся. Иди пока. Решим, что с тобой делать.

– Владимир Аркадьевич...

– Свободен.

Это был серьезный удар. Нокдаун, бросивший на спину. Самой пугающей была неясность. Его намеренно поставили в положение тяжелого ожидания своей участи. Убийственный ход, каждую минуту вынуждающий испытывать напряжение развязки с туманным исходом. В подавленном состоянии, стоящим у окна, Юру и нашла девушка, отправившаяся на его поиски.

– Здравствуйте.

– Привет, невесело ответил он.

– Красиво вы пели. Мне очень понравилось.

– Спасибо.

– Отец вас, наверное, поздравлял, да?

Юра заинтересованно взглянул на нее.

– Да уж поздравил.

– А я, вообщето, за вами. Вы первое место заняли. Награждение вот уже должно начаться.

– Тогда вперед.

Внезапное головокружение перевернуло пол под ногами у Юры. Он покачнулся, теряя равновесие.

– Что с вами? встревожилась девушка.

– Голова разболелась...

Порывшись в сумочке, девушка протянула ему пару таблеток:

– Выпейте. Должно помочь.

– Благодарю. Как зовут мою спасительницу?

– Маша.

– Очень приятно. А меня – Юра.

– Я знаю. Юра, а у тебя девушка есть?

Юра удивленно взглянул на нее.

– Прости, глупо так...

– Прогуляемся вечером? предложил он.

– С тобой легко. Как голова?

– На месте, – улыбнулся Юра.

Под шумные овации награждали победителя ежегодного конкурса «Студенческая весна». Как это обычно принято в таких случаях, было сказано много слов в адрес талантливого студента. Юре пожелали и впредь радовать общественность своим творчеством и добавили, что он навсегда останется в культурных летописях города. Вкусив лавры славы, студент принял из рук ректора материальное подтверждение сценического успеха.

После официальной церемонии еще около часа пришлось побыть в центре внимания, выслушать немалое количество всяческих пожеланий и поздравлений и ответить на сотни ослепительных улыбок. Ведь обратную сторону триумфальной медали никто не отменял.

Наконец, парню удалось ускользнуть, и на улице он встретился с очаровательной Машей. Они долго бродили по городу, разговаривали на разные темы. Юра предложил зайти в кафе и отметить его воздвижение на пьедестал. Молодые люди засиделись до ночи, но не торопились расставаться. Когда они вышли из кафе, город глубоко погрузился в темную тишину ночной прохлады.

Маша взглянула в черное небо, усеянное яркими, пульсирующими бусинками:

– Красота, звезд столько.

– Это еще что. В городе свет и дома мешают. Вот у нас в поселке небо от горизонта до горизонта. «Жемчужный пульс Вселенной».

– Поэтично.

– Видишь, Большая Медведица?

– Где?

– Вон, большущий ковш.

– Угу.

– Вторая звезда от края, как бы на сгибе, это Мицар двойная звезда.

– Почему двойная?

– Рядом, тусклее, еще одна, видишь?

– Нет.

– Внимательнее присмотришься.

– А, да, она чуть заметная.

– Это Алькор. Они с Мицаром вращаются вокруг общего центра масс, поэтому и двойная. Поарабски, Мицар – конь, Алькор – всадник. Вот и скачут вместе.

– Интересно.

– А выше – Малая Медведица.

– Покажи.

– Две крайние звезды ковша Большой Медведицы, там. От них проведи мысленно прямую линию вверх. Наткнешься на Полярную звезду – это хвост Малой Медведицы. От хвоста влево – ковш. Большая и Малая Медведицы напоминают цифру 69.

– Да.

– Эх, зачерпнуть бы ковшом из Млечного Пути, сколько кефира можно было бы сделать.

– Любишь кефир?

– Это мы в детстве смеялись. Ктото сказал, что лучше бы самогона. А я ответил, что так и рождается галактический алкоголизм.

– Здорово.

– Спасибо за внимание.

– Тебе спасибо. Целую лекцию о звездах прочел. Уже пришли. Мне туда.

– Маш, что ты послезавтра делаешь?

– Не думала еще.

– Приходи к нам в общагу, у Петьки, соседа по комнате, день рождения. Посидим.

– Во сколько?

– Вообще в семь собираемся, но если опоздаешь, ничего страшного.

– Хорошо, я приду.

– триста вторая комната.

– Договорились. До встречи.

– Пока.

Гусиный гогот, крики и смех полуголых мальчуганов, бегущих по вытоптанной тропинке, шепот зеленых исполинов, важно раскачивающихся из стороны в сторону, вся это желтоголубая музыка свежесжатой деревенской свободы очаровательно прекрасна в своей незамысло-

ватости. И живут там люди, не знающие неутомимости городской скачки по черным жилам автострад и тротуаров.

Сложность существования отделяет человека от самого себя, запутывает его и уносит от земли, природы, одним словом, от родного дома, где так просто и нужно жить. Всевозможные блага и удобства липкими сетями связывают тело и душу, становясь своеобразным наркотиком, при долгом отсутствии которого начинается ломка дискомфортом, и человек, извиваясь угрем в стремлении добыть очередную дозу, все больше забывает свою суть, обращаясь в нечто другое. И если даже и понимает он гибель свою, то все равно не может отказаться от сладкой отравы.

Еще не пожилая, но и не молодая женщина, уладив домашние дела, отправилась в сельский магазин купить коечто из продуктов. Ее некогда красивую фигуру изменили заботы, и непроходящая усталость во всем облике добавляла несколько непрожитых лет. Она шла неторопливо, глядя прямо перед собой, словно глубоко задумавшись. Темнорусые с частой седой волосы ласково трепал легкий ветерок, прохладными ладонями разглаживая морщинки на лице.

– Здравствуй, Николаевна. Юркато пишет? Домой не собирается? Совсем мать забыл, атаковала вопросами идущая навстречу соседка Тамара Петровна.

– Что ты, Петровна. Учится он. Дело серьезное. На каникулы обещал приехать, если получится.

– Четвертый год уже едет. Ох уж эти детки. Растишь их, а они потом и не вспоминают родителей.

– Ничего. Сама, даст бог, соберусь.

– А хозяйство на кого оставишь?

– Ой, не знаю...

– Вот что, Николаевна. Надумала езжай, а мы пососедски поможем.

– Спасибо. Дай Бог здоровья.

– Если он и впрямь такой занятой, что ж сделаешь. У тебя сахара не найдется взаимы? А то в магазине нет, только в четверг привезут.

– Конечно, есть. Я сейчас, вернусь и занесу тебе.

– Золотой ты человек, Николавна. Не переживай, проследим за твоими проглотами дворовыми. Езжай спокойно.

– Я сейчас.

Вера Николаевна заспешила в магазин, чтобы поскорее выручить добрую знакомую.

Владимир Аркадьевич Кравцов – ректор юридического университета – в свой выходной день чувствовал себя великолепно. Предстояла поездка на охоту с давним другом Аркадием. Как говорится, тезки по отчеству они познакомились много лет назад при малоприятных, но сразу же связавших их обстоятельствах. Владимир Аркадьевич тогда был просто преподавателем. Однажды, когда он возвращался после работы домой, у подъезда на него напали подростки. Юные отморозки ударили железной трубой по голове. Вытащили документы, деньги. Владимир Аркадьевич в полубессознательном состоянии, лежа на асфальте, видел, как подонки пытались поспешно скрыться, но на их беду какойто мужчина, случайно оказавшийся поблизости, не дал им уйти. Ловко, почти не напрягаясь, он расправился с грабителями, отнял похищенное и помог Владимиру Аркадьевичу подняться домой, где перепуганная дочь обработала отцовскую рану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.